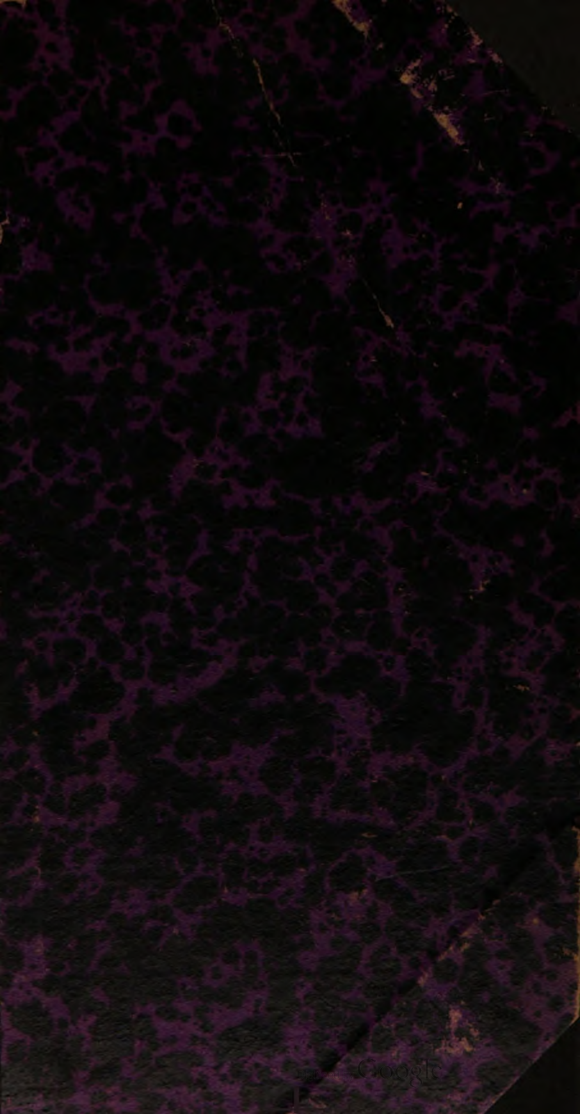

Puschkin

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА,

НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ СОБРАНІЕ ЕГО СОЧИНЕНІЙ.

BERLIN, 1861.

R. WAGNER, Unter den Linden 57.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

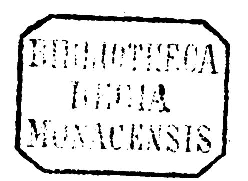
СТИХОТВОРЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА,

НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ СОБРАНІЕ
ЕГО СОЧИНЕНІЙ.

БЕРЛИНЪ, 1861.
Р. ВАГНЕРЪ, ПОДЪ ЛИПАМИ №. 57.

Печатано въ типографіи К. Шультце въ Берлинѣ,
Kommandanten - Strasse No. 72.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не смотря на сравнительную полноту и другія неотъемлемыя достоинства послѣднихъ двухъ изданій (1853 и 1859 г.) „Сочиненій Пушкина“, ни одно изъ нихъ не можетъ быть названо полнымъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Благодаря тупоумію русской цензуры, около сотни большихъ и малыхъ стихотвореній величайшаго изъ русскихъ поэтовъ исключено изъ обоихъ изданій, а другая сотня искажена или урѣзана, въ слѣдствіе чего рѣдкая страница обоихъ изданій не пестритъ рядами точекъ.

Цѣль предлагаемаго изданія — дать русской читающей публикѣ возможно-пол-

ное собраніе стихотвореній Пушкина, запрещенныхъ русскою ценсурою, и потому не вошедшихъ въ последнее изданіе его сочиненій, напечатанное въ 1859 году, въ Петербургѣ, подъ руководствомъ г. Геннади. Повторяемъ: возможно-полное, потому-что, при всемъ нашемъ желаніи, мы не могли собрать всего, написаннаго Пушкинымъ. Многое затеряно, многое до-сихъ-поръ находится подъ спудомъ, благодаря безпечности и распущенности лицъ, владѣющихъ автографами покойнаго поэта, наконецъ — многіе эпиграммы и экспромпты, сказанные Пушкинымъ въ веселую минуту и ни кѣмъ незаписанные, переходя изъ устъ въ уста, пострадали до такой степени, что ихъ трудно признать за пушкинскіе, несмотря на авторитетъ общественнаго мнѣнія. Только соединенныя усилія всѣхъ русскихъ библіографовъ могутъ современемъ пополнить этотъ пробѣлъ; только этимъ путемъ можетъ быть собрано все, написанное Пушкинымъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя лица, владѣющія важными матеріа-

лами для пополненія этихъ пробѣловъ, завистливо хранятъ ихъ въ своемъ портфелѣ, и, не дѣлая изъ нихъ сами ни какого полезнаго употребленія, упорно отказываются подѣлиться ими съ кѣмъ бы то ни было, что лишаетъ русскую библіографію многихъ необходимыхъ свѣдѣній, а сочиненія о Пушкинѣ — полноты и, часто, вѣрности. Подобный образъ дѣйствій — рѣшительно неизвинителенъ, и напоминаетъ извѣстную басню Эзопа: „Собака на сѣнѣ" (ни себѣ, ни другимъ).

Изъ числа стихотвореній, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе „Сочиненій Пушкина", читатель найдетъ въ предлагаемомъ изданіи тридцать двѣ большихъ и сорокъ шесть малыхъ піесъ, и отрывки изъ „Гавриліады" и восьми другихъ большихъ стихотвореній; а изъ прозаическихъ статей — отрывки изъ „Записокъ Пушкина", „Исторіи пугачевскаго бунта", „Путешествія въ Арзрумъ" и другихъ. Кромѣ того, въ „Библіографической статьѣ" помѣщено около ста стиховъ, изъ разныхъ піесъ, запрещенныхъ ценсу-

рою и потому замѣненныхъ въ послѣднемъ изданіи точками, значительное число варіантовъ и нѣсколько важныхъ примѣчаній. Вотъ все, что намъ удалось собрать изъ числа ненапечатанныхъ сочиненій Пушкина, дѣйствительно ему принадлежащихъ. Чтоже касается стихотвореній, приписываемыхъ Пушкину, но вовсе ему не принадлежащихъ, что доказано въ послѣднее время критикою, то я считаю не лишнимъ исчислить ихъ здѣсь, съ подробнымъ означеніемъ: кто и гдѣ именно печатно призналъ ихъ за пушкинскія, тогда какъ впослѣдствіи обнаружилось, что они были написаны совершенно другими лицами, и тѣмъ избавить нашихъ читателей отъ несправедливаго предположенія, что нѣкоторыя стихотворенія Пушкина, напечатанныя съ его именемъ, пропущены въ нашемъ изданіи. Вотъ этотъ списокъ:

1) **Бѣлинскимъ** было признано за произведеніе А. С. Пушкина — стихотвореніе дальняго его родственника Алексѣя Михайловича Пушкина: „На смерть

Кутузова", напечатанное въ „Вѣстникѣ Европы" на 1813 годъ, съ подписью: А. Пушкинъ. (См. „Отечественныя Записки", 1843, т. 31, отд. V, стр. 30.)

2) **Гоголемъ:** „Четыре націи", стих. Полежаева. (См. „Соч. и Письма Гоголя", т. VI, стр. 383.)

3) **Г. Анненковымъ:** „Застольная пѣснь", стих. барона Дельвига и „Первыя мысли стихотворенія, обращеннаго къ императору Александру I.", соч. Жуковскаго. (См. „Соч. Пушкина", изд. г. Анненкова, т. II, стр. 219 и т. VII, стр. 36.)

4) **Г. Эдельсономъ:** „Моя любовь", стих. В. Туманскаго. (См. „Современникъ", 1856, No. I, стр. 1.)

5) **Г. Греномъ:** „Лилія", стих. князя Вяземскаго. (См. „Общезанимательный Вѣстникъ", 1857, No. I.)

6) **А. И. Герценымъ:** „Цапли", стих. Баратынскаго, „Блаженъ кто могъ на ложѣ ночи", стих. Языкова „Исповѣдь бѣднаго стихотворца", стих. неизвѣстна-

го, „Духовнику Анны Львовны“, стих. Соболевскаго. (См. „Полярную Звѣзду“ на 1858 г., стр. 271, и на 1859 г. стр. 16 и 31.)

7) **Г. Головинымъ:** „Молитва“, стих. неизвѣстнаго и „Цапли“, стих. Баратынскаго. (См. „Новыя стихотворенія Пушкина и Шевченки“, 1859, стр. 1 и 3.)

8) **Г. Геннади:** „Происхожденіе лафита“, стих. г. Вердеревскаго. (См. „Библіогр. Записки“, 1861, No. 4, столб. 100.)

Кромѣ того г-мъ Анненковымъ положительно доказано, что стихотворенія: „Цѣль нашей жизни“, „Гараль и Гальвина“, „Не помнишь ли ты, ваше благородье...“ и „Пѣснь черкеса“ (Сѣдлайся вновь конь вѣрный мой!..) — также не принадлежатъ Пушкину, какъ равно и стихотвореніе „Первая ночь“, облетѣвшее всю Россію съ именемъ Пушкина, тогдакакъ оно написано покойнымъ Полежаевымъ, что извѣстно всѣмъ, знавшимъ несчастнаго

поэта. Намъ также положительно извѣстно, что нижепоименованныя эпиграммы написаны не Пушкинымъ, хотя общественное мнѣніе упорно приписываетъ ихъ ему. Помѣщаемъ здѣсь начальныя строки этихъ эпиграммъ:

1. Ѳедоръ Глинка молодецъ...
2. Показалася у насъ новая-повинка...
3. Для чего тебѣ, о Вигель...
4. Люблю тебя, моя комета...
5. Рѣшившись хамомъ стать... (Карамзину.)
6. Отродіе купечества... (Н. Полевому.)
7. У Ѳедорова Борьки...
8. „Рука Всевышняго“ три чуда совершила... (Кукольнику.)

Первая изъ этихъ эпиграммъ сочинена цѣлою компаніею: Дельвигомъ, Баратынскимъ и другими; вторая и третья — принадлежатъ г. Соболевскому, шестая — Бах-

турину, седьмая — Дельвигу; сочинители остальныхъ — мнѣ неизвѣстны.

Въ заключеніе помѣщаемъ списокъ стихотвореній быть можетъ и принадлежащихъ Пушкину, какъ утверждаютъ нѣкоторые библіографы, но сильно пострадавшихъ отъ небрежности переписчиковъ, такъ-что ихъ трудно признать за пушкинскія, безъ ясныхъ на то доказательствъ. Вотъ они:

1. Друзьямъ, на выступленіе гвардіи.
2. Къ Аракчееву. (Всей Россіи притѣснитель...)
3. Подражаніе Дидероту. (Мы добрыхъ гра̀жданъ позабавимъ...)
4. Я палъ предъ алтаремъ прекрасной...
5. Надинькѣ. (Съ тобой пріятно удѣлить...)
6. Ужель нашъ архирей не святъ?..
7. Какъ сча̀стливы библисты...
8. Ты просишь написать надгробную, Агафья...
9. Твои мечтанья не сбылись...

10. Орловъ съ Истоминой въ постели...
11. Се самый Дельвигъ тотъ, что намъ всегда твердилъ...
12. А. Н. Муравьеву. (На диво намъ и всей Европы...)
13. Мы ѣдемъ въ шлюпкѣ...
14. Ахъ, какія чудеса...
15. Воейкову. (Орликомъ и въ колпакѣ...)
16. Въ Россіи царствуетъ военный артикулъ...

Издавая свое собраніе, мы, конечно, далеки отъ мысли, чтобы считать его непогрѣшительнымъ, вполнѣ-удовлетворяющимъ современнымъ требованіямъ библіографіи. Конечно, найдутся промахи, невѣрности, пропуски. Напримѣръ, при всемъ нашемъ стараніи, мы нигдѣ не могли найти опущенныхъ стиховъ въ піесахъ: „Недавно я въ часы свободы...“, „Элегическій отрывокъ“, „Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я,

не смѣю, не могу...“ и „Старица-пророчица“ (т. I, стр. 236, 409, 487 и 559), двухъ мѣстъ изъ „Анджело“, куплета изъ пѣсни: „Бонапартъ и Черногорцы“ (т. II, стр. 330, 339 и 474) и нѣкоторыхъ строфъ*) изъ „Евгенія Онѣгина“. Поэтому мы просимъ нашихъ извѣстныхъ библіографовъ и вообще всѣхъ, занимающихся библіографіей въ Россіи, дополнить нашъ посильный трудъ примѣчаніями и указаніями всѣхъ тѣхъ невѣрностей и упущеній, какія, само собою разумѣется, найдутся въ предлагаемомъ изданіи. Если же, чего добраго, русская цензура воспротивится помѣщенію этихъ замѣтокъ въ одномъ изъ русскихъ журналовъ, то просимъ не забывать, что въ настоящее время заграницей

*) Глава I, строфы 9, 13, 39, 40 и 41; глава III, послѣдніе шесть стиховъ 3-й строфы; глава IV, строфы 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 38; глава V, первые четыре стиха 43-й строфы; глава VI, строфы 15, 16 и 38; глава VIII, послѣдніе шесть стиховъ 25-й строфы.

издается четыре журнала на русскомъ языкѣ, которые, конечно, не откажутся напечатать ихъ на своихъ страницахъ.

$\frac{30}{19}$ іюня 1861 года.

Берлинъ.

Русскій.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЦѢЛЬНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ, НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ СОБРАНІЕ „СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА“.

ДРУЗЬЯМЪ *).

Среди бесѣды вашей шумной
Одинъ унылъ и мраченъ я . . .
На пиръ раздольный и безумный
Не призывайте вы меня.
Любилъ и я когда то съ вами
Подъ звонъ бокаловъ пировать
И гармонически стихами
Пировъ веселье воспѣвать.
Но пролетѣлъ мигъ упоеній, —
Я радость свѣтлую забылъ,
Меня печали мрачный геній
Крылами черными покрылъ . . .
Не кличьте жь вы меня съ собою
Подъ звонъ бокаловъ пировать:
Я не хочу своей тоскою
Веселье ваше отравлять.
Богами вамъ еще даны

---

*) Первая редакція стихотворенія того же имени, напечатаннаго въ „Соч. Пушкина", изд. 1859 г. т. I, стр. 140.

Златые дни, златыя ночи,
И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи.
Играйте, пойте же, друзья!
Утратьте вечеръ скоротечный:
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

1816.

КЪ ОЛЕНИНОЙ,

которой митрополитъ прислалъ плодовъ изъ своего сада.

Митрополитъ, хвастунъ безстыдной,
Тебѣ прислалъ своихъ плодовъ;
Хотѣлъ увѣрить насъ, какъ видно,
Что будто самъ онъ богъ садовъ.
Чему дивиться тутъ? Харита
Улыбкой дряхлость побѣдитъ,
Съ ума сведетъ митрополита,
Желанья плоти въ немъ родитъ, —
И онъ, твой встрѣтя взоръ волшебный,
Забудетъ о своемъ крестѣ,
И нѣжно станетъ пѣть молебны
Твоей небесной красотѣ.

1817.

От всенощной, вечоръ, идя домой,
Антипьевна съ Марѳушкою бранилась;
Антипьевна отмѣнно горячилась.
„Постой“. кричитъ, „управлюсь я съ тобой!
„Ты думаешь, что я забыла
„Ту ночь, когда, забравшись въ уголокъ,
„Ты съ крестникомъ Ванюшею шалила?
„Постой, о всемъ узнаетъ муженекъ!“
— Тебѣ ль грозить! Марѳушка отвѣчаетъ:
— Ванюша что? Вѣдь онъ еще дитя;
А сватъ Трофимъ, который у тебя
И день и ночь? Весь городъ это знаетъ.
Молчи жь кума: и ты, какъ я, грѣшна;
Словами жь всякаго, пожалуй, разобидишь.
Въ чужой..... соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна. —
1817.

МОЛИТВА ЛЕЙБЪ-ГУСАРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ.

Избави Господи ума такого
Какъ у Александра Васильевича Попова!
Слатвинскаго скромности,
Зубова томности,
Ильина чистоты,
Тютчева красоты,
Любомірскаго чванства,
Каверина пьянства,
Гротовой скупости,
Хов—на глупости,
Суетливости Оффенберга,
Разсудительности Унгернъ-Штернберга,
Чаадаева гордости,
Юш—ва подлости,
Креншина службы,
Сабурова дружбы,
Завадовскаго щедрости,
Гернгр—вой мерзости,
Кнабенау усовъ,
Пашковскихъ носовъ,

Салтыкова дикости,
Саломірскаго лихости,
Слѣпцова смиренья,
Кругликова пѣнья,
Барятинскаго спросовъ,
Рахманова вопросовъ,
Молоствова хвалы
И Микешина килы.

1817.

КЪ П. Я. ЧААДАЕВУ.

Любви, надежды, гордой славы
Не долго тѣшилъ насъ обманъ.
Исчезли юныя забавы,
Какъ сонъ, какъ утренній туманъ!
Но въ насъ кипятъ еще желанья:
Подъ гнётомъ власти роковой,
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья.
Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы!
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,

Заря плѣнительнаго счастья, —
Россія вспрянетъ ото сна,
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена!

1818.

СКАЗКИ.

(Noël.)

Ура! въ Россію скачетъ
Кочующій деспотъ.
Спаситель горько плачетъ,
А съ нимъ и весь народъ.
Марія въ хлопотахъ Спасителя стращаетъ:
„Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
„Вотъ бука, бука — русскій царь!“ —
Царь входитъ и вѣщаетъ:

„Узнай народъ россійскій,
Что знаетъ цѣлый міръ:
И прусскій и австрійскій
Я сшилъ себѣ мундиръ.
О, радуйся, народъ: я сытъ, здоровъ и тученъ;
Меня газетчикъ прославлялъ;
Я ѣлъ, и пилъ, и обѣщалъ —
И дѣломъ не измученъ.

„Узнай еще въ прибавку,
Что сдѣлаю потомъ:
Лаврову*) дамъ отставку,
А Соца**) — въ жолтый домъ;
Законъ постановлю на мѣсто вамъ Горголи***)
И людямъ всѣ права людей
По царской милости моей
Отдамъ изъ доброй воли“.

Отъ радости въ постелѣ
Запрыгало дитя:
„Неужто въ самомъ дѣлѣ?
Неужто не шутя?“
А мать ему: „бай, бай! закрой свои ты глазки;
„Пора уснуть бы, наконецъ,
„Послушавши, какъ царь-отецъ
„Разсказываетъ сказки!“

*) Цензоръ.
**) Цензоръ.
***) Горголи, Иванъ Савичъ, бывшій тогда санктпетербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ; нынѣ дѣств. т. с. и сенаторъ.

1819.

ВОЛЬНОСТЬ.

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица!
Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза царей,
Свободы гордая пѣвица?
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
Разбей изнѣженную лиру:
Хочу воспѣть я вольность міру,
На тронѣ поразить порокъ.

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго Галла*),
Кому сама средь славныхъ бѣдъ
Ты гимны смѣлые внушала.
Любимцы вѣтреной судьбы,
Тираны міра, трепещите!
А вы — мужайтесь и внемлите:
Возстаньте, падшіе рабы!

*) Андрей Шенье.

Увы, куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы.
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій,
Повсюду рабства грозный геній
И къ славѣ роковая страсть.

Лишь тамъ, надъ царскою главой,
Неслышимо людей стенанье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ,
Гдѣ, сжатый вѣрными руками
Гражданъ, надъ равными главами
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ,

И преступленье съ высока
Сражаетъ праведнымъ размахомъ;
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ни алчной скупостью, ни страхомъ.
Владыки! вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не порода;
Стоите выше вы народа,
Но вѣчный выше васъ законъ.

И горе, горе племенамъ,
Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно,
Гдѣ иль народу, иль царямъ
Закономъ властвовать возможно!
Тебя въ свидѣтели зову,
О! мученикъ ошибокъ славныхъ,
За предковъ, въ шумѣ бурь недавнихъ,
Сложившій царскую главу.

Восходитъ къ смерти Людовйкъ
Въ виду безмолвнаго потомства,
Челомъ развѣнчаннымъ приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства.
Молчитъ законъ, народъ молчитъ,
Падетъ преступная секира
И самовластная порфира
На Галлахъ скованныхъ лежитъ.

Самовластительный злодѣй,
Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей,
Я съ злобной радостью увижу.
Читаютъ на твоемъ челѣ
Печать проклятія народы;
Ты ужасъ неба, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ.

Когда на мрачную Неву
Звѣзда полуночи сіяетъ
И беззаботную главу
Спокойный сонъ отягощаетъ,
Глядитъ задумчиво пѣвецъ
На грозный, спящій средь тумана,
Пустынный памятникъ тирана,
Забвенью брошенный дворецъ *).

Онъ слышитъ Кліи мрачный гласъ
Надъ сими страшными стѣнами,
Калигулы послѣдній часъ
Онъ видитъ живо предъ очами . . .
Онъ видитъ: въ лентахъ и звѣздахъ,
Виномъ и злобой упоенны,
Идутъ убійцы потаенны:
На лицахъ дерзость, въ сердцѣ страхъ.

Молчитъ невѣрный часовой,
Опущенъ тихо мостъ подъёмный,
Врата отверсты въ тьмѣ ночной
Рукой предательства наёмной.
О, стыдъ, о ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри вторглись янычары,
Падутъ безславные удары,
Погибъ увѣнчанный злодѣй.

*) Дворецъ Павла, нынѣ — Михайловскій замокъ.

Внемлите истинѣ цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари
Не вѣрныя для васъ ограды!
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона —
И станутъ стражею у трона
Народовъ вольность и покой.
1820.

КИНЖАЛЪ.

Лемносскій богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!

Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.

Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
Нѣмое лезвеё злодѣю въ очи блещетъ,
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.

Вездѣ найдетъ его ударъ надежный твой:
На сушѣ, на водахъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замкàми,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной...

Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Кинжалъ, ты кровь излилъ — и мертвъ объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.

Изчадье мятежей подъемлетъ злобный крикъ,
Презрѣнный, мрачный и кровавый,
Надъ трупомъ вольности безглавой,
Палачъ*) уродливый возникъ:

Апостолъ гибели — усталому Аиду
Перстомъ онъ жертвы назначалъ,
Но высшій судъ ему послалъ
Тебя и дѣву-Эвмениду**).

Свободы мученикъ, избранникъ молодой,
О, Зандъ***)! твой вѣкъ угасъ на плахѣ:
Но добродѣтели святой
Остался блескъ въ казненномъ прахѣ:

---

*) Маратъ.
**) Шарлота Кордэ.
***) Студентъ Карлъ Зандъ, заколовшій въ Мангеймѣ 23 марта 1819г. извѣстнаго писателя Коцебу, бывшаго тайнымъ агентомъ русскаго правительства въ Германіи, за что былъ казненъ 21 мая 1820 года.

Въ твоей Германіи ты грозной тѣнью сталъ,
И на торжественной могилѣ,
Грозя бѣдой преступной силѣ,
Горитъ безъ надписи кинжалъ.

1821.

Сказали разъ царю, что наконецъ
Мятежный вождь Ріэго былъ удавленъ.
„Я очень радъ“, сказалъ усердный льстецъ:
„Отъ одного мерзавца міръ избавленъ“.
Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ;
Всѣхъ удивилъ нежданный приговоръ.
Ріэго былъ, конечно, очень грѣшенъ,
Согласенъ я — но онъ за то повѣшенъ.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться эдакъ намъ надъ жертвой палача?
Самъ государь такого доброхотства
Не захотѣлъ своей улыбкой одобрить.
Льстецы, льстецы, старайтесь сохранить
И въ самой подлости оттѣнокъ благородства!
1821.

ОТРЫВОКЪ.

I.

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ;
Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ и жребіи земли
Въ увѣнчанной главѣ стѣсненные лежали,
Чредою выпадали
И міру тихую неволю въ даръ несли.

II.

И дѣлу своему Владыка самъ дивился.
„Се благо!" думалъ онъ, — и взоръ его носился
Отъ Тибровыхъ валовъ до Вислы и Невы,
Отъ царско-сельскихъ липъ до башенъ Гибралтара:
Все молча ждетъ удара —
Все пало: подъ яремъ склонились всѣ главы.

III.

„Свершилось", молвилъ онъ. „Давно ль народы міра
Паденье славили Великаго Кумира.

. . . .

. . . .
. . . .
. . . . *)

IV.

„Давно ли ветхая Европа свирѣпѣла?
Надеждой новою Германія кипѣла,
Шаталась Австрія, Неаполь возставалъ?
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Ужь правила свобода,
И самовластіе лишь Сѣверъ укрывалъ?

V.

„Давно ль? — и гдѣ же вы, зиждители свободы?
Ну чтожь? Витійствуйте, ищите правъ природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу!
Вотъ Кесарь — гдѣ же Брутъ? О, грозные витіи,
Цалуйте жезлъ Россіи
И васъ поправшую желѣзную стопу!"

VI.

Онъ рекъ — и нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ и затихъ — и вновь повѣялъ мимо.
Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ;

*) Долженствовавшіе тутъ быть четыре стиха не были написаны Пушкинымъ.

На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи;
Раздался бой полночи —
И се внезапный гость въ чертогъ царя предсталъ.

VII.

То былъ сей чудный мужъ, посланникъ Провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,
Сей хладный кровопійца,
Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари.

VIII.

Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ очей
Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго по манію царей.

IX.

Нѣтъ! чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ:
Во цвѣтѣ здравія, и мужества, и мощи,
Владыкѣ Полунощи
Владыка Запада грозящій предстоялъ.

X.

Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Аустерлица
Дружины Сѣвера гнала его десница,
И Русскій въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ;
Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ
И съ миромъ, иль позоромъ
Предъ юношей царемъ въ Тильзитѣ предстоялъ....

1821.

ЕВРЕЙКѢ.

Христосъ воскресъ! моя Ревекка.
Сегодня, слѣдуя душой
Закону Бога-человѣка,
Съ тобой цалуюсь, ангелъ мой,
А завтра къ вѣрѣ Моисея
Я снова долженъ приступить
И тò въ залогъ тебѣ вручить,
Чѣмъ можно каждаго Еврея
Отъ православныхъ отличить.

12 апрѣля 1821.
Кишеневъ.

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВѢДЬ.

Добра чужаго не желать
Ты, Боже, мнѣ повелѣваешь;
Но мѣру силъ моихъ Ты знаешь —
Мнѣ ль нѣжнымъ чувствомъ управлять?
Обидѣть друга не желаю,
И не хочу его села,
Не нужно мнѣ его вола:
На все спокойно я взираю.
Ни домъ его, ни скотъ, ни рабъ —
Не лестна вся мнѣ благостыня...
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи! — я слабъ!...
И ежели его подруга
Мила, какъ ангелъ во плоти —
О, Боже праведный, прости
Мнѣ зависть ко блаженству друга!
Кто сердцемъ могъ повелѣвать?
Кто рабъ усилій безполезныхъ?
Какъ можно не любить прелестныхъ?
Какъ райскихъ благъ не пожелать?

Смотрю, томлюся и вздыхаю;
Но строгій долгъ умѣю чтить.
Страшусь желаньямъ сердца льстить,
Молчу... и въ тайнѣ я страдаю!

1821.

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за тѣ, что былъ Французъ,
Клеонъ, умомъ ее стращая,
Дамисъ — за то, что нѣжно пѣлъ:
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

1822.

ЦАРЬ НИКИТА.

Простонародная сказка.

Царь Никита жилъ когда-то
Праздно, весело, богато,
Не творилъ добра, ни зла:
Такъ земля его цвѣла.
Царь трудился понемногу,
Кушалъ, пилъ, молился Богу,
И отъ разныхъ матерей
Прижилъ сорокъ дочерей —
Сорокъ дѣвушекъ прелестныхъ,
Сорокъ ангеловъ небесныхъ,
Чудо сердцемъ и душой...
Что за ножка — Боже мой!
А головка, темный волосъ,
Чудо-глазки, чудо-голосъ!
Умъ съ ума свести бы могъ, —
Словомъ, съ головы до ногъ
Душу-сердце все плѣняло;
Одного не доставало...
Да чего же одного?

Такъ — бездѣлки... ничего...
Ничего, иль очень мало...
Все равно — не доставало...
Какъ бы это пояснить,
Чтобъ совсѣмъ не раздразнить
Богомольной, важной дуры
Нашей чепорной цензуры?
Ка̀къ быть?... Помоги мнѣ Богъ!
У царевенъ между ногъ...
Нѣтъ, ужь это слишкомъ ясно
И для скромности опасно, —
Такъ иначе какъ нибудь:
Я люблю въ Венерѣ грудь,
Губки, ножку особливо;
Но сердечное огниво,
Цѣль желанья моего —
Что такое?... Ничего!...
Ничего, иль очень мало...
И того-то небывало
У царевенъ молодыхъ.
Ихъ чудесное рожденье
Привело въ недоумѣнье
Всѣ придворныя сердца.
Грустно было для отца
И для ма̀терей печальныхъ...
А отъ бабокъ повивальныхъ
Какъ узналъ о томъ народъ —

Всякій тутъ разинулъ ротъ,
Ахалъ, охалъ, дивовался,
А иной хоть и смѣялся,
Да тихонько, чтобы въ путь
До Нерчинска не махнуть.
Царь созвалъ своихъ придворныхъ,
Нянекъ, мамушекъ покорныхъ —
Имъ держалъ такой приказъ:
„Если кто нибудь изъ васъ
Дочерей грѣху научитъ,
Или мыслить ихъ приучитъ,
Или только намекнетъ,
Чтò у нихъ недостаетъ,
Иль двусмысленное скажетъ,
Или кукишь имъ покажетъ, —
То — шутить я не привыкъ —
Бабамъ вырѣжу языкъ,
А мужчинамъ нѣчто хуже,
Что порой бываетъ туже.“
Царь былъ строгъ, но справедливъ,
А приказъ краснорѣчивъ.
Всякъ со страхомъ поклонился,
Остеречься всякъ рѣшился,
Ухо всякъ держалъ востро
И хранилъ свое добро.
Жены бѣдныя боялись,
Чтобъ мужья не проболтались;

Въ тайнѣ думали мужья:
„Провинись жена моя!“

. . . .
. . . .

1823.

ИЗЪ „ГАВРИЛІАДЫ“.

I.

Воистину Еврейки молодой
Мнѣ дорого душевное спасенье:
Приди ко мнѣ, прелестный ангелъ мой,
И мирное прими благословенье!
Спасти хочу земную красоту!
Любезныхъ устъ улыбкою довольный
Царю небесъ и Господу-Христу
Пою стихи на лирѣ богомольной.
Смиренныхъ струнъ, быть можетъ, наконецъ
Ее плѣнятъ церковные напѣвы —
И Духъ святой сойдетъ на сердце дѣвы:
Властитель онъ и мыслей и сердецъ....

II.

Въ глуши полей, вдали Іерусалима,
Вдали забавъ и юныхъ волокитъ,
Которыхъ бѣсъ для гибели хранитъ,
Красавица, никѣмъ еще не зрима,

Безъ прихотей вела спокойный вѣкъ.
Ея супругъ, почтенный человѣкъ,
Сѣдой старикъ, плохой столяръ и плотникъ,
Въ селеньи былъ единственный работникъ.
И день и ночь имѣя много дѣлъ
То съ уровнемъ, то съ вѣрною пилою,
То съ топоромъ, не много онъ смотрѣлъ
На прелести, которыми владѣлъ....
И тайный цвѣтъ, которому судьбою
Назначена была другая честь,
На стебелькѣ не смѣлъ еще расцвѣсть.
Лѣнивый мужъ своею старой лейкой
Въ часъ утренній не орошалъ его:
Онъ какъ отецъ съ невинной жилъ Еврейкой,
Ее кормилъ и.... больше ничего.
. . . .

III.

Поговоримъ о странностяхъ любви:
Не смыслю я другаго разговора.
Въ тѣ дни, когда отъ огненнаго взора
Мы чувствуемъ волненіе въ крови,
Когда тоска обманчивыхъ желаній
Объемлетъ насъ и душу тяготитъ,
И, всюду насъ преслѣдуя, томитъ
Предметъ одинъ и думы и страданій:
Неправда ли? — въ толпѣ младыхъ друзей
Наперстника мы ищемъ и находимъ;

Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ страстей
Нарѣчіемъ восторговъ переводимъ.
Когда же мы поймали на лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
И къ радостямъ, на ложе наслажденій,
Стыдливую склонили красоту;
Когда любви забыли мы страданье
И нѣчего намъ болѣе желать,
Чтобъ оживить о ней воспоминанье,
Съ наперсникомъ мы любимъ поболтать.
. . . .

IV.

Что жь дѣлаетъ Еврейка? гдѣ она,
Іосифа печальная подруга?
Въ своемъ саду, печальныхъ думъ полна,
Проводитъ часъ невиннаго досуга
И снова ждетъ плѣнительнаго сна.
Съ ея души не сходитъ образъ милый:
Къ архангелу летитъ душой унылой.
Въ прохладѣ пальмъ красавица моя
Задумалась надъ говоромъ ручья.
Не мило ей цвѣтовъ благоуханье,
Не весело прозрачныхъ водъ журчанье....
И видитъ вдругъ: прекрасная змѣя,
Приманчивой блистая чешуею,
Въ тѣни вѣтвей качается надъ нею —
И говоритъ: „Любимица небесъ,

„Не убѣгай! Я плѣнникъ твой послушный."
Возможно ли? О, чудо изъ чудесъ!
Кто жь говорилъ съ Еврейкой простодушной?
Кто это былъ? Увы! конечно, бѣсъ.
Краса змѣи, чешуй разнообразность,
Ея привѣтъ, огонь лукавыхъ глазъ
Понравились Еврейкѣ тотъ же часъ.
Чтобъ усладить младого сердца праздность,
На Сатанѣ покоя нѣжный взоръ,
Съ нимъ завела пытливый разговоръ:
„Кто ты, змѣя? По льстивому напѣву,
„По красотѣ, по блеску, по глазамъ,
„Я узнаю того, кто нашу Еву
„Привлечь успѣлъ къ таинственному древу
„И тамъ склонилъ несчастную къ грѣхамъ.
„Ты погубилъ неопытную дѣву,
„А съ нею весь адамовъ родъ и насъ....
„Мы въ безднѣ бѣдъ безвинно потонули!
„Не стыдно ли?" — Попы васъ обманули!
И Еву я не погубилъ, а спасъ.
. . . .

V.

О, милый другъ! кому я посвятилъ
Мой первый сонъ, надежды и желанья,
Красавица, которой я былъ милъ,
Простишь ли мнѣ мои воспоминанья?
Мои грѣхи, забавы юныхъ дней?

Тѣ вечера, когда въ семьѣ твоей,
При матери докучливой и строгой,
Тебя томилъ я тайною тревогой
И просвѣтилъ невинныя красы?
Я научилъ послушливую руку
Обманывать печальную разлуку
И услаждать безмолвные часы
Безсонницы — дѣвическую муку.
Но молодость утрачена твоя:
Отъ блѣдныхъ устъ улыбка отлетѣла,
Твоя краса во цвѣтѣ помертвѣла....
Простишь ли ты, о милая моя?
. . . .

VI.

И бѣсъ сказалъ: „Счастливецъ горделивый!
„Кто звалъ тебя? Зачѣмъ оставилъ ты
„Небесный дворъ — эѳира высоты?
„Зачѣмъ мѣшать утѣхѣ молчаливой,
„Занятіямъ чувствительной четы?“
Но Гавріилъ, нахмуря взоръ ревнивый,
Рекъ на вопросъ и дерзкой и шутливой:
— Безумный врагъ небесной красоты,
Повѣса злой, изгнанникъ безнадежный!
Ты соблазнилъ красу Еврейки нѣжной —
И смѣешь мнѣ вопросы задавать?
Бѣги сейчасъ, безстыдникъ, рабъ мятежный,
Иль я тебя заставлю трепетать! —

„Не трепеталъ отъ вашихъ я придворныхъ,
„Всевышняго прислужниковъ покорныхъ,
„Радѣтелей небеснаго царя!“
Проклятый рекъ и, злобою горя,
Наморщивъ лобъ, скосясь, кусая губы,
Противника ударилъ прямо въ зубы.
Раздался крикъ; шатнулся Гавріилъ
И лѣвое колѣно преклонилъ;
Но вдругъ возсталъ, исполненъ новымъ жаромъ,
И Сатану нечаяннымъ ударомъ
Хватилъ въ високъ. Бѣсъ ахнулъ, поблѣднѣлъ —
И бросились въ объятія другъ другу.
Ни Гавріилъ, ни бѣсъ не одолѣлъ.
Сплетенные, кружась, идутъ по лугу,
На вражью грудь опершись бородой,
Соединивъ крестъ на̀ крестъ ноги, руки,
То силою, то хитростью науки
Хотятъ увлечь другъ друга за собой.
Не правда ли, вы помните то поле,
Друзья мои, гдѣ въ прежни дни, весной,
Оставя классъ, мы бѣгали на волѣ
И тѣшились отвожною борьбой?
Усталые, забывъ и брань и рѣчи,
Такъ ангелы боролись межъ собой.
Подземный царь, буянъ широкоплечій,
Вотще кряхтѣлъ съ увертливымъ врагомъ,
И, наконецъ, желая кончить разомъ,

Съ архангела крылатый сбилъ шеломъ,
Златой шеломъ, украшенный алмазомъ.
Схвативъ врага за мягкіе власы,
Онъ сзади гнетъ могучею рукою
Къ сырой землѣ. Еврейка предъ собою
Архангела зритъ нѣжныя красы —
И за него въ безмолвіи трепещетъ.
Ужь ломитъ бѣсъ; ужь Адъ въ восторгѣ плещетъ . . .
Но къ счастію проворный Гавріилъ
Впился ему въ то мѣсто роковое
(Излишнее почти во всякомъ боѣ),
Въ надменный членъ, которымъ тотъ грѣшилъ:
Проклятый палъ, пощады запросилъ —
И въ темный Адъ едва нашелъ дорогу.
На дивный бой, на страшную тревогу
Красавица глядѣла, чуть дыша;
Когда же къ ней, свой подвигъ соверша,
Привѣтливо архангелъ обратился,
Огонь любви въ лицѣ ея разлился
И нѣжностью наполнилась душа.

. . . .

VII.

Что дѣлать ей? Что скажетъ богъ ревнивый?
Не сѣтуйте красавицы мои!
О, женщины, наперстницы любви!
Умѣете вы хитростью счастливой
Обманывать вниманье жениха

И знатоковъ внимательные взоры,
И на слѣды пріятнаго грѣха
Невинности набрасывать уборы.
Отъ матери проказливая дочь
Беретъ урокъ стыдливости покорной
И мнимыхъ мукъ, — и съ робостью притворной
Играетъ роль въ рѣшительную ночь.
А по утру, оправясь понемногу,
Встаетъ блѣдна, чуть ходитъ — такъ томнà:
Въ восторгѣ мужъ; мать шепчетъ: „слава Богу!“
А старый другъ стучится у окна.
. . . .

VIII.

Аминь, аминь! Чѣмъ кончу я разсказы?
На вѣкъ забывъ старинныя проказы,
Я пѣлъ тебя, крылатый Гавріилъ:
Смиренныхъ струнъ тебѣ я посвятилъ
Усердное, спасительное пѣнье.
Храни меня! внемли мое моленье!
Досель я былъ еретикомъ любви,
Младыхъ богинь безумный обожатель,
Другъ демона, повѣса и предатель. . . .
Раскаянье мое благослови:
Пріемлю я намѣренья благія, —
Перемѣнюсь: Елену видѣлъ я!
Она мила, какъ нѣжная Марія —
Подвластна ей на вѣкъ душа моя. . . .

Моимъ рѣчамъ придай очарованье,
Понравиться повѣдай тайну мнѣ,
Въ ея груди зажги любви желанье,
Не то пойду молиться Сатанѣ.
Но дни бѣгутъ — и время сѣдиною
Мою главу тишкомъ посеребритъ,
И важный бракъ съ любезною женою
Предъ алтаремъ меня соединитъ. . . .
Даруй ты мнѣ блаженное терпѣнье,
Молю тебя — пошли мнѣ вновь и вновь
Спокойный сонъ, въ супругѣ увѣренье,
Въ семействѣ миръ и къ ближнему любовь!

1823.

Напрасно ахнула Европа, —
Не унывайте! не бѣда! —
Отъ петербургскаго потопа
Спаслась „Полярная Звѣзда“.

Бестужевъ, твой ковчегъ на брегѣ!
Парнаса блещутъ высоты —
И въ благодѣтельномъ ковчегѣ
Спаслись и люди и скоты.

1824.

ЭЛЕГІЯ НА КОНЧИНУ ТЕТУШКИ.

Ахъ, тетушка! ахъ, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Ты къ матушкѣ была любовна,
Ты къ батюшкѣ была добра;
Тебя Матвѣй Михайлычъ кровный*)
Встрѣчалъ всегда среди двора;
Тебя Елизавета Львовна
Любила больше серебра.
Давно ли съ Ольгою Сергѣвной**),
Со Львомъ Сергѣичемъ***) давно ль,
На зло самой судьбинѣ гнѣвной,
Дѣлила ты и хлѣбъ и соль?
Но вотъ уже Василій Львовичъ
Стихами гробъ твой окропилъ....
Зачѣмъ стихи его поповичъ,
Дуракъ Красовскій†) пропустилъ?

1824.

*) Каммергеръ Солнцевъ, мужъ сестры Василія Львовича Пушкина, Елизаветы Львовны, о которой упоминается въ слѣдующихъ строкахъ.

**) Сестра поэта.

***) Братъ поэта.

†) Цензоръ, разсматривавшій надгробную элегію В. Л. Пушкина.

Встарь Голицынъ*) мудрость вѣсилъ,
Гурьевъ**) грабилъ весь народъ,
Аракчеевъ куралесилъ,
Царь же ѣздилъ на разводъ.

Нынѣ Ливенъ***) мудрость вѣситъ,
Царь же вѣшаетъ народъ,
Рыжій Мишка†) куралеситъ
И по прежнему разводъ.

1826.

*) Министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ въ царствованіе Александра I.

**) Министръ финансовъ въ то же царствованіе.

***) Министръ народнаго просвѣщенія въ началѣ царствованія Николая I.

†) Великій князь Михаилъ Павловичъ.

КЪ СЕВЕРИНУ *).

Твой дѣдъ портной, твой дядя поваръ,
А вы? — вы знатный господинъ:
Таковъ объ васъ народный говоръ,
Высокородный Северинъ.
Потомокъ предковъ благородныхъ,
Увы! никто въ моей роднѣ
Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ.

1826.

*) Первая редакція стихотворенія: „Жалоба", напечатаннаго въ „Соч. Пушкина", изд. 1859 г. т. I, стр. 272.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ Н. С. АЛЕКСѢЕВУ.

Прощай, отшельникъ Бессарабскій,
Лукавый другъ души моей!
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей.
1826.

ВЪ СИБИРЬ.

(Декабристамъ.)

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье!
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Несчастью вѣрная сестра —
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Разбудитъ бодрость и веселье,
Прійдетъ желанная пора:

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ — и свобода
Васъ приметъ радостно у входа
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

1827.

ДВѢ НАДПИСИ КЪ КАРТИНКАМЪ ИЗЪ „ОНѢГИНА“, ПРИЛОЖЕННЫМЪ КЪ „НЕВСКОМУ АЛЬМАНАХУ“.

I.

Авторъ „Онѣгина“ и Онѣгинъ на набережной Невы.

Вотъ перешедши мостъ Какушкинъ,
Опершись ж.... о гранитъ,
Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
Съ мосьё Онѣгинымъ стоитъ.
Неудостоивая взглядомъ
Твердыню власти роковой,
Онъ къ крѣпости сталъ гордо задомъ:
Не плюй въ колодезь, милый мой!

II.

Татьяна, запечатывающая письмо.

Сосокъ чернѣетъ сквозь рубашку,
Наружу титька — милый видъ!

Татьяна мнетъ въ рукѣ бумажку,
Зане животъ у ней болитъ:
Она затѣмъ поутру встала
При блѣдныхъ мѣсяца лучахъ —
И на под..... изорвала
Конечно „Невскій Альманахъ“.

1829.

СѢЯТЕЛЬ.

„Изыде сѣятель сѣяти слово свое.“

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя,
Но потерялъ я только время,
Благіе мысли и труды!
Паситесь добрые народы, —
Васъ не разбудитъ чести кличъ.
Начто стадамъ дары свободы? —
Ихъ должно рѣзать или стричь.
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушкою, да бичъ.

Насильно Зубову мила,
Старушка дряхлая жила
Пріятно, понаслышкѣ — блудно,
Писала прозой, флоты жгла,
Съ Вольтеромъ лучшій другъ была
И умерла, садясь на судно.
И съ той поры въ Россіи мгла . . .
Россія — бѣдная держава:
Съ Екатериной умерла
Екатерининская слава!

НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ ЛУКУЛЛА.

Подражаніе Латинскому.

Ты угасалъ, богачъ младой!
Ты слышалъ плачъ друзей печальныхъ.
Ужь смерть являлась за тобой
Въ дверяхъ сѣней твоихъ хрустальныхъ.
Она, какъ втершійся съ утра
Заимодавецъ терпѣливый,
Торча въ передней молчаливой,
Не трогалась съ ковра.

Въ померкшей комнатѣ твоей
Врачи угрюмые шептались;
Твоихъ нахлѣбниковъ, цирцей
Смущеньемъ лица омрачались;
Вздыхали вѣрные рабы
И за тебя боговъ молили,
Не зная въ страхѣ чтò сулили
Имъ тайныя судьбы.

А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ къ мертвечинѣ падкой,
Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой
Знобимъ стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургучъ
Пятналъ замки твоей конторы;
И мнилъ загресть онъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучъ.

Онъ мнилъ: „теперь ужъ у вельможъ
„Не стану няньчить ребятишекъ;
„Я самъ вельможа буду тожь;
„Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ.
„Теперь мнѣ честность — трынъ-трава!
„Жену общитывать не буду,
„И воровать уже забуду
„Казенныя дрова!“

Но ты воскресъ. Твои друзья,
Въ ладони хлопая, ликуютъ;
Рабы, какъ добрая семья,
Другъ друга въ радости цалуютъ;
Бодрится врачъ, поднявъ очки;
Гробовый мастеръ взоры клонитъ;
А вмѣстѣ съ нимъ прикащикъ гонитъ
Наслѣдника въ толчки.

Такъ жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: безцѣнный даръ она;
Умѣй же пользоваться ею;
Укрась ее; года летятъ,
Пора! Введи въ свои чертоги
Жену красавицу — и боги
Вашъ бракъ благословятъ.

КЪ Х......

Ты богоматерь: нѣтъ сомнѣнья —
Не та, которая красой
Плѣнила только духъ святой:
Мила ты всѣмъ безъ исключенья;
Не та, которая Христа
Родила, не спросясь супруга.
Есть Богъ другой; земнаго круга
Ему послушна красота;
То Богъ Парни, Тибулла, Мура;
Имъ мучусь, имъ утѣшенъ я —
Онъ весь въ тебя — ты мать Амура,
Ты богородица моя!

Я жизнь любилъ, когда, полна
Игривыхъ, сладостныхъ мечтаній,
Она была озарена
Лучами яркихъ упованій
И наслажденьямъ отдана.
Я жизнь любилъ, доколѣ опытъ
И муки огненныхъ страстей
Не возбудили въ сердцѣ ропотъ,
Не изъяснили мнѣ людей.
А нынѣ, къ жизни равнодушный,
Скучаю всѣмъ, и для меня,
Блеснувъ, какъ метеоръ воздушный,
Изчезла прелесть бытія.
Ничто не тронетъ, не взволнуетъ
Души безчувственной моей
И объ утратѣ юныхъ дней
Она ужь болѣ не тоскуетъ.
Надеждъ обманчивые сны,
Веселья пламенные дни,
Любви таинственныя ночи, —

Я васъ забылъ, — забылъ и васъ
Обворожительныя очи:
Пылъ прежнихъ чувствъ во мнѣ погасъ.
Я полюбилъ покой безстрастья
И благъ у жизни не прошу:
Я не пойму земного счастья,
Я сердце мертвое ношу.

КЪ ***.

Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки;
Жестоки вы, Богъ вамъ судья!
Вы говорите: я въ горячкѣ,
Вы говорите: брежу я.
За что же гнѣвъ такой? — Не знаю!
Вѣдь я въ бреду, въ горячкѣ злой,
И потому я повторяю
Вамъ безпрестанно, что страдаю,
Что я люблю васъ, ангелъ мой!

Тебѣ въ прощальныя мгновенья
Стихи на память я пишу;
Быть можетъ, очень я грѣшу,
Ввѣряя имъ мои мученья;
Но что же дѣлать? — ничего
Въ душѣ скрывать я не умѣю:
И о прошедшемъ я жалѣю,
И жаль мнѣ сердца твоего.
Мнѣ грустно, другъ мой, что отнынѣ
Жизнь потечетъ твоя въ пустынѣ,
Гдѣ будутъ видѣть только глушь
Твои голубенькіе глазки;
Гдѣ думъ и чувствъ твоихъ, и ласки
Одинъ владѣтель будетъ — мужъ.
И грустно мнѣ, что этимъ ножкамъ
Ужь не гулять въ тиши ночей,
При лунномъ свѣтѣ, по дорожкамъ
Тѣнистыхъ липовыхъ аллей.
И мнѣ о многомъ грустно, грустно . . .
Но какъ все это передать,

И какъ все выразить изустно,
Что можетъ сердце волновать?
Но я тоски моей не прячу
И, разставаяся съ тобой,
Я какъ ребенокъ горько плачу,
Прекрасный другъ мой, ангелъ мой!

Смотрю печально, молчаливо
На твой исписанный альбомъ,
И мыслю о порѣ счастливой,
Объ этомъ времени златомъ,
Когда кипучіе набѣги
Моей причудливой мечты
Вносили дюжины элегій
Въ такіе жь пестрые листы;
Когда на клятвѣ грѣховодникъ,
Я въ звукахъ пламенныхъ стиховъ
Ихъ расточалъ, и былъ охотникъ
До упоительныхъ грѣховъ.
Теперь не то, — не тѣ ужь грезы,
Не тѣ лѣта, и я душой —
Увы! — гожусь лишь для одной
Зѣвательной, почтовой прозы
Съ ея безгрѣшной чепухой.

Весь день, отъявленный лѣнивецъ,
Не зная думъ другихъ и дѣлъ,
Мечтаю я: гдѣ жь тотъ частливецъ
Кому падешь ты на удѣлъ;
Кто въ поцалуяхъ этихъ губокъ —
Соперницъ нѣжныхъ устъ Харитъ —
Въ самозабвеньи полный кубокъ
Земнаго счастья осушитъ!
Къ кому уста твои и очи
И замирающая грудь
Прильнутъ во мракѣ тихой ночи
И не дадутъ тебѣ заснуть!

. . . .

Кляну заранѣ Гименея
И грѣшную мечту лелѣя,
И ею образъ твой чертя
Не сплю всю ночь, тоску тая,
Верчусь съ горячею подушкой,
И имъ любуюсь въ тайнѣ я,
Какъ запрещенною игрушкой
Порой любуется дитя.

. . . .

ТЫ И Я.

Ты богатъ, я очень бѣденъ;
Ты прозаикъ, я поэтъ;
Ты румянъ, какъ маковъ цвѣтъ,
Я, какъ смерть, и тощъ и блѣденъ.
Не имѣя въ вѣкъ заботъ,
Ты живешь въ огромномъ домѣ;
Я жь, средь горя и хлопотъ,
Провожу дни на соломѣ.
Ѣшь ты сладко всякій день,
Тянешь вины на свободѣ
И тебѣ не рѣдко лѣнь
Нужный долгъ отдать природѣ;
Я же съ черстваго куска,
Отъ воды гнилой и прѣсной,
Сажень за сто съ чердака
За нуждой бѣгу извѣстной.
Окруженъ рабовъ толпой,
Съ грознымъ деспотизма взоромъ,
Аѳедронъ ты жирный свой
Подтираешь коленкоромъ;

Я же грѣшную дыру
Не балую дѣтской модой,
И Хвостова жесткой одой,
Хоть и морщуся, да тру.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

НЕНАПЕЧАТАННЫЕ ОТРЫВКИ ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ, ВОШЕДШИХЪ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ИЗДАНІЕ „СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА“.

КОНЕЦЪ СТИХОТВОРЕНІЯ:

„ГОРОДОКЪ".

(См. Соч. Пушкина, изд. 1859 г. томъ I, стр. 43.)

Всегда я радъ душею
Съ нимъ время провождать,
Но, Боже, виноватъ!
Я каюсь предъ Тобою:
Служителей Твоихъ,
Поповъ я городскихъ,
Боюсь, боюсь бесѣды,
И свадебны обѣды
Затѣмъ лишь не терплю,
Что сельскихъ іереевъ,
Какъ папа Іудеевъ,
Я вовсе не люблю,
А съ ними крючковатый
Подъяческій народъ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплотъ.
Но, другъ мой, если вскорѣ

Увижусь я съ тобой,
То мы уходимъ горе
За чашей круговой;
Тогда, клянусь богами
(И слово ужь сдержу) —
Я съ сельскими попами
Молебенъ отслужу!

1815.

КОНЕЦЪ СТИХОТВОРЕНІЯ.

„ВИШНЯ“.

(См. Соч. Пушкина, изд. 1859 г. томъ I, стр. 94.)

И вѣтвь затрещала —
Бѣда! смерть грозитъ!
Пастушка упала, —
Но, ахъ! какой видъ!

Сучекъ преломленный
За платье задѣлъ:
Пастухъ удивленный
Всю прелесть узрѣлъ.

Среди двухъ прелестныхъ
Бѣлѣй снѣгу ногъ,
На сгибахъ чудесныхъ
Пастухъ то зрѣть могъ,

Что скрыто до время
У всѣхъ милыхъ дамъ,

За что изъ эдема
Былъ выгнанъ Адамъ.

Пастушку несчастну
Съ сучка тихо снялъ,
И грудь свою страстну
Къ красоткѣ прижалъ.

Вся кровь закипѣла
Въ двухъ юныхъ сердцахъ;
Любовь прилетѣла
На быстрыхъ крылахъ.

Утѣха страданій
Двухъ юныхъ сердецъ —
Въ любви ожиданій
Супругамъ вѣнецъ.

Прельщенный красою,
Младой пастушокъ
Горячей рукою
Коснулся до ногъ.

вмигъ зарезвился
Амуръ въ ихъ ногахъ:
Пастухъ очутился
На полныхъ грудяхъ;

И вишню румяну
Въ соку раздавилъ,
И сокомъ багрянымъ
Траву окропилъ.

1815.

НАЧАЛО ПОСЛАНІЯ:

„КЪ М. Ѳ. ОРЛОВУ“.

(См. Соч. Пушкина, изд. 1859 г. томъ I, стр. 186.)

О ты, который сочеталъ
Съ душею пылкой, откровенной
(Хотя и русскій генералъ)
Любезность, разумъ просвѣщенной!
О ты, который съ каждымъ днемъ
Вставая на военну муку,
Усталымъ усачамъ, верхомъ,
Преподаешь царей науку;
Но не безславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача!
Орловъ, ты правъ: я покидаю
Свои гусарскія мечты,
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля — суеты!
На генерала Киселева
Не положу моихъ надеждъ;
Онъ очень милъ, о томъ ни слова,

Онъ врагъ коварства и невѣждъ;
За жирнымъ, медленнымъ обѣдомъ
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
До ночи слушать радъ его;
Но онъ — придворный: обѣщанья
Ему не стоятъ ничего.
1818.

ОКОНЧАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЯ:

„УЕДИНЕНІЕ“.

(См. Соч. Пушкина, изд. 1859 г. томъ I, стр. 206.)

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ и собственность и время земледѣльца;
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,

Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О, если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витiйства грозный даръ?
Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенной
И рабство, падшее по манiю царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

1819.

ЧЕТВЕРТАЯ СТРОФА ИЗЪ ОДЫ:

„НАПОЛЕОНЪ“.

(См. Соч. Пушкина, изд. 1859 г. томъ I, стр. 252.)

Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ,
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный
Свободы свѣтлой день насталъ . . .

1821.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ:

„ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ АРИСТАРХУ".

(См. Соч. Пушкина, изд. 1859 г. томъ I, стр. 318.)

Сей старецъ*) дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года;
Одинъ, среди вельможъ, онъ русскихъ музъ любилъ:
Ихъ незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ;
Отъ хлада нашихъ лѣтъ сберегъ онъ лавръ единый
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины;
Онъ съ нами сѣтовалъ, когда святой отецъ
Омара да Али принялъ за образецъ,
Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье,
Усердно заглушать старался просвѣщенье;
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистыхъ музъ, спасая Бантыша,
И помогалъ ему Магницкій благородный,
Мужъ чистый въ правилахъ, душою превосходный
И даже бѣдный мой Кавелинъ-дурачекъ,

---

*) Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія адмиралъ А. С. Шишковъ.

Креститель Галича, Магницкаго дьячекъ.
И вотъ, за всѣ грѣхи, въ чьи тягостныя руки
Вы были ввергнуты, печальныя науки!
Ценсура, вотъ кому подвластна ты была!
Но полно: мрачная година протекла,
И нынѣ ужь горитъ свѣтильникъ просвѣщенья.
Я съ перемѣною печатнаго правленья
Отставки ценсору, признаться, ожидалъ;
Но самъ не знаю какъ — ты, видно, устоялъ.

1824.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ:

„АНДРЕЙ ШЕНЬЕ“.

(См. Соч. Пушкина, изд. 1859 г. томъ I, стр. 339.)

„Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
Я славилъ твой небесный ликъ,
Когда онъ искрою возникъ,
Когда ты въ бурѣ восходило.
Я славилъ твой священный громъ,
Когда онъ разметалъ позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развѣялъ пепломъ и стыдомъ.
Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
Великодушную присягу
И самовластію безтрепетный отвѣтъ;
Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
Все низпровергли, увлекли,
И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный,
Перерожденіе земли.
Уже въ безсмертный Пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ всходили славны тѣни,

От пелены предубѣжденій
Разоблачался ветхій тронъ,
Оковы падали. Законъ,
На вольность опершись, провозгласилъ равѣнство,
И мы воскликнули: „блаженство!"
О, горе! о, безумный сонъ!
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей! Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари! О, ужасъ! о, позоръ!
Но ты, священная свобода, —
Богиня чистая! Нѣтъ, не виновна ты:
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа
Скрывалась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
Завѣшенъ пеленой кровавой....
Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой —
И вновь враги твои падутъ.
Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,
Все ищетъ вновь упиться имъ;
Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
Онъ бредитъ, жаждою томимъ.
Такъ! онъ найдетъ тебя подъ сѣнію равѣнства;
Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
И буря мрачная минётъ.
Но я не узрю васъ, дни славы, дни блаженства!...
1825.

ОПУЩЕННЫЯ СТРОФЫ ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ:

„МОЯ РОДОСЛОВНАЯ".

(См. Соч. Пушкина, изд. 1859 г. т. I, стр. 465—467.)

I.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ.
Смотри пожалуй, вздоръ какой!
Я не лейбъ-кучеръ, не ассесоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ,
Я просто — русскій мѣщанинъ.

II.

Понятна мнѣ временъ превратность, —
Не прекословлю, право, ей;
У насъ нова рожденьемъ знатность
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И, слава Богу, не одинъ,
Бояръ старинныхъ я потомокъ —
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ.

6*

III.

Не торговалъ мой дѣдъ блинами*),
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ**),
Не пѣлъ на клиросѣ съ дьячками***),
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ†),
И небылъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ††):
Куда жь мнѣ быть аристократомъ?
Я, слава Богу, мѣщанинъ!

VI.

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ:
Въ родню свою неукротимъ,
Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ
И былъ за то повѣшенъ имъ.

---

*) Князь А. Д. Меньшиковъ, родоначальникъ фамиліи, былъ, какъ извѣстно, пирожникомъ въ Москвѣ.

**) Государственный канцлеръ князь А. А. Безбородко и князь Кочубей.

***) Графъ А. Г. Разумовскій, любовникъ и потомъ мужъ императрицы Елизаветы Петровны, началъ свою карьеру пѣвчимъ въ придворной капелѣ.

†) Графъ И. П. Кутайсовъ, начавшій свою службу при Павлѣ I въ званіи камердинера и брадобрѣя и окончившій ее оберъ-шталмейстеромъ.

††) Предполагаютъ вообще, что это намекъ на фельдмаршала графа Миниха; но врядъ ли это такъ. Скорѣе не намекаетъ ли здѣсь Пушкинъ на отца графа П. А. Клейнмихеля, который, по прибытіи своемъ изъ-за границы, былъ нѣкоторое время въ услуженіи у директора корпуса Мелисино и ѣздилъ гайдукомъ за его каретой, а впослѣдствіи былъ произведенъ въ генералы и занялъ мѣсто своего бывшаго барина.

Его примѣръ будь намъ наукой;
Не любитъ спора властелинъ;
Не всякъ князь Яковъ Долгорукой;
Счастливъ покорный мѣщанинъ.

VII.

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Средь петергофскаго двора,
Какъ Минихъ, вѣренъ оставался
Паденью Третьяго Петра.
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ,
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился мѣщанинъ.

1830.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

НАДПИСИ И ЭПИГРАММЫ, НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ИЗДАНІЕ „СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА".

ПЕСТЕЛЮ.

Снесемъ иль нѣтъ главу свою —
Изъ полновѣснаго стакана
Твое здоровье, Пестель, пью,
И рвусь и злюся на тирана....
1821.

КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.

Онъ высшей волею небесъ
Живетъ на службѣ царской.
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ — Периклесъ,
А здѣсь онъ — офицеръ гусарскій.

НА ВОЦАРЕНІЕ АЛЕКСАНДРА I^{го}.

Сказалъ деспотъ: „Мои сыны,
„Законы будутъ вамъ даны;
„Я возвращу вамъ дни златые
„Благословенной старины!“ —
И обновленная Россія
Надѣла съ выпушкой штаны.

КЪ ПАМЯТНИКУ АЛЕКСАНДРА I^го^.

Всю жизнь провелъ въ дорогѣ
И умеръ въ Таганрогѣ.

НИКОЛАЮ I^{му}.

I.

Великій государь,
Ты нашихъ бѣдъ виновникъ!
Хотя плохой ты царь,
За то лихой полковникъ.

II.

Едва царемъ онъ сталъ —
И разомъ начудесилъ:
Сто двадцать человѣкъ тотчасъ въ Сибирь послалъ,
Да пятерыхъ повѣсилъ.

1826.

Желали правъ они — права имъ и даны:
Изъ узкихъ сдѣлали широкіе штаны.

1826.

Въ Россіи нѣтъ закона —
А столбъ и на столбѣ корона.

НАДПИСЬ КЪ ИСАКІЕВСКОЙ ЦЕРКВИ.

Сей храмъ трехъ царствъ изображенье:
Гранитъ, кирпичъ и разрушенье.

КЪ ПОРТРЕТУ АРАКЧЕЕВА.

Холопъ вѣнчаннаго солдата!
Ты стоишь лавровъ Герострата.
Иль смерти нѣмца Коцебу;
А впрочемъ — .....!

КНЯЗЮ А. Н. ГОЛИЦЫНУ.

I.

Полу-фанатикъ, полу-плутъ,
Ему орудіемъ духовнымъ:
Проклятье, мечъ и крестъ и кнутъ.
Пошли намъ, Господи, грѣховнымъ
Поменьше пастырей такихъ —
Полу-благихъ, полу-святыхъ.

II.

Вотъ Хвостовой покровитель,
Вотъ холопская душа,
Просвѣщенія губитель,
Покровитель Бантыша!
Напирайте, Бога ради,
На него со всѣхъ сторонъ!
Не попробовать ли сзади?
Тамъ всего слабѣе онъ.

III.

Онъ добрый малый, братъ сестрицамъ,
Онъ небылъ золъ ни для кого;
Скажите правду, князь Голицынъ,
Ужь не повѣсятъ ли его?

ГРАФУ В—ВУ.

Полу-милордъ, полу-купецъ,
Полу-мудрецъ, полу-невѣжда,
Полу-подлецъ, но есть надежда,
Что будетъ полнымъ наконецъ.

КНЯЗЮ ДУНДУКОВУ.

Въ Академіи Наукъ
Засѣдаетъ князь Дундукъ.
Говорятъ, не подобаетъ
Дундуку такая честь;
Отъ чего жь онъ засѣдаетъ?
Отъ того что ж . . . есть.

ПРО СЕБЯ.

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь,
Я много обѣщаю —
Исполню ли? Богъ вѣсть!

АВТОРУ „ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО“.

I.

Въ его „Исторіи“ изящность, простота
Доказываютъ намъ, безъ всякаго пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

II.

На плаху истину влача,
Онъ доказалъ намъ безъ пристрастья
Необходимость палача
И прелесть самовластья.

1819.

Сошлися школьники и вскорѣ
Одинъ изъ нихъ кой-какъ рецензію скропалъ,
Въ которой ясно доказалъ,
Что горе отъ ума — не рецензента горе.

ЖУКОВСКОМУ.

Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею,
На ленту промѣнялъ лавровый свой вѣнецъ,
Не подражая больше Грею,
Съ указкой втерся во дворецъ —
И что же вышло наконецъ?
Предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею.
Бѣдный пѣвецъ!

ПАРОДІЯ

на стихотвореніе Жуковскаго
„Тлѣнность“.

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что, если это проза
Да и дурная? . . .

1819.

„Сыны Отечества“ и „Вѣстники Европы“
Полезны для ума, а болѣе для ж. . . .

За ужиномъ объѣлся я,
Да Яковъ заперъ дверь оплошно —
Такъ было мнѣ, мои друзья,
И кюхельбекерно и тошно.

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный,
Элегіи семьѣ своей читалъ,
А казачекъ огарокъ свѣчки сальной
Предъ ними съ трепетомъ держалъ.
Вдругъ мальчикъ нашъ заплакалъ, зарыдалъ ...
„Вотъ, вотъ съ кого примѣръ берите, дуры!“
Князь дочерямъ въ восторгѣ закричалъ:
„Откройся милый сынъ натуры!
„Ахъ, что слезой твой омрачило взоръ?“
А тотъ въ отвѣтъ: — мнѣ хочется на дворъ.

Хоть участье не поможетъ,
Все жь мнѣ жаль, что графъ Хвостовъ
Удержать въ себѣ не можетъ
Ни у . . . ни стиховъ.

А. Н. МУРАВЬЕВУ,

послѣ представленія трагедіи его: „Битва при Тиверьядѣ“.

Не всѣхъ бѣснующихъ людей
Богъ истребилъ при Тиверьядѣ —
И изъ утопленныхъ свиней
Одна осталась въ Петроградѣ.

П—МУ.

Онъ третей гильдіи купецъ,
Второй съ Булгаринымъ предатель
Послѣдней гильдіи писатель
И первой гильдіи подлецъ.

Нѣтъ подлѣе до Алтая
П—го Николая,
И глупѣе нѣтъ отъ Понта
П—го Ксенофонта.

ЭПИГРАММЫ НА БУЛГАРИНА.

I.

Не то бѣда, что ты Полякъ:
Костюшка Ляхъ, Мицкевичъ Ляхъ!
Пожалуй, будь себѣ Татаринъ —
И въ томъ не вижу я стыда,
Будь жидъ — и это не бѣда,
А то бѣда, что ты Булгаринъ.

1830.

II.

Булгаринъ — вотъ Полякъ примѣрный!
Въ немъ истинныхъ Сарматовъ кровь!
Взгляните, какъ въ груди сей вѣрной
Сильна къ отечеству любовь!
То мало, что изъ злобы къ Русскимъ,
Хоть отъ природы трусоватъ,
Хо́дилъ онъ подъ орломъ французскимъ
И въ битвахъ жизни былъ не радъ:
Патріотическій предатель,

Разстрига, самозванецъ сей
Уже не воинъ, а писатель,
Ужь Русскій, къ сраму нашихъ дней.
Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И Русскихъ братствомъ запятналъ.

III.

Лелѣешь ты свои красы:
Ты на лицо румяна сыплешь,
Ты брѣешь бороду, усы,
Ты волоса на тѣлѣ щиплешь;
Все это для жены твоей
(Ты къ ней любовью пламенѣешь) —
Такъ, вѣрю я, мой другъ Ѳаддей,
Но для кого ты г . . . брѣешь?

IV.

Всѣ говорятъ: онъ Вальтеръ-Скоттъ;
Но я поэтъ — не лицемѣрю:
Согласенъ я — онъ просто скотъ,
Но что онъ Вальтеръ-Скоттъ — не вѣрю!

8*

V.

Өаддей роди „Ивана“,
„Иванъ“ роди „Петра“*):
Отъ дѣдушки болвана
Какого жь ждать добра?

---

*) „Иванъ Ивановичъ Выжигинъ“ и сынъ его „Петръ Ивановичъ Выжигимъ“ — два романа Өаддея Булгарина.

Тимковскій царствовалъ — и всѣ твердили въ слухъ,
Что врядъ ли гдѣословъ найдешь подобныхъ двухъ.
Явился Бируковъ, за ними вслѣдъ Красовскій:
Ну право ихъ умнѣй покойный былъ Тимковскій!

Къ Смирдину какъ ни зайдешь —
 Ничего не купишь:
Иль Сенковскаго найдешь,
Иль въ Булгарина наступишь.

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ.
У торгаша сего семь пятницъ на недѣлѣ;
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть **послѣ дождика четвергъ**.

ЛЬВУ СЕРГѢЕВИЧУ ПУШКИНУ.

I.

Нашъ пріятель Пушкинъ Лёвъ
Не лишенъ разсудка;
Но съ шампанскимъ жирный пловъ
И съ груздями утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка.

II.

Все измѣнилося подъ нашимъ зодіакомъ:
Левъ козерогомъ сталъ, а дѣва стала ракомъ.

Накажи святой угодникъ
Капитана Борозду:
Разлюбилъ онъ грѣховодникъ
Нашу матушку.......

Не вѣрю чести игрока,
Любви къ Россіи Поляка,
Не вѣрю я французской дружбѣ
И безкорыстью Нѣмца въ службѣ.

ГР. А. А. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ.

Благочестивая жена
Душою Богу предана̀,
А грѣшной плотію
Архимандриту Фотію.

РАЗГОВОРЪ ФОТІЯ СЪ ГР. ОРЛОВОЙ.

„Внимай, что я тебѣ вѣщаю:
„Я тѣломъ евнухъ, мужъ душой“.
— Но что жь ты дѣлаешь со мной? —
„Я тѣло въ душу превращаю“.

КНЯЖНѢ С. А. УРУСОВОЙ*).

Не вѣровалъ я Троицѣ донынѣ:
Мнѣ Богъ тройной казался все мудренъ;
Но вижу васъ — и, вѣрой одаренъ,
Молюсь тремъ граціямъ въ одной богинѣ.

*) Нынѣ — княгиня Радзивилъ.

НИМФОДОРѢ СЕМЕНОВОЙ.

Желалъ бы быть твоимъ покровомъ,
Или собачкою твоей,
Или поручикомъ Барковымъ . . .
Ахъ онъ поручикъ, ахъ злодѣй!

КЪ ***.

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради,
Хвалю тебя, мой другъ, и спереди и сзади.

Ты хочешь знать, о дѣва молодая,
Какая разница межь Буало и мной:
У Буало одна лишь запятая,
А у меня двѣ точки съ запятой.

Черна, какъ галка,
Суха, какъ палка,
Увы! Весталка,
Тебя мнѣ жалко!

Она тогда ко мнѣ придетъ,
Когда весь міръ угомонится:
Когда все доброе ложится
И все недоброе встаетъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ О СОЧИНЕНІЯХЪ ПУШКИНА.

I.

ДОПОЛНЕНІЯ, ВАРІАНТЫ И ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПОСЛѢДНЕМУ ИЗДАНІЮ „СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА“.

Томъ первый.

КЪ СЕСТРѢ.

Стр. 1. Точки, послѣ стиха: „Съ угрюмой тишиной“, поставлены самимъ Пушкинымъ, и пропуска тутъ нѣтъ.

Стр. 4, ст. 4. Сюда вкралась опечатка, перешедшая во всѣ изд. „Соч. Пушкина“. Стихъ этотъ слѣдуетъ читать такъ:

„*Увлекшись* въ даль судьбою“.

Стр. 5. Не помѣщено окончаніе стихотворенія, напечатанное въ „Библіогр. Зап.“ (1858, No. 10, столб. 309):

Оставлю темну келью,
Поля, сады свои,
Подъ столъ клобукъ съ веригой,
И прилечу разстригой
Въ объятія твои.

КЪ ДРУГУ-СТИХОТВОРЦУ.

Стр. 7, ст. 18. Вмѣсто: *отшельникъ* — *священникъ.*

Стр. 8, ст. 1 и 2. Въ рукописи читаются такъ:

„Послушайте“, сказалъ *священникъ* мужикамъ,
„Какъ *въ церкви* васъ учу, такъ вы и поступайте.“

КОЛЬНА.

Точки, встрѣчающіяся на стр. 11 и 12, поставлены самимъ Пушкинымъ, и не означаютъ пропуска.

КРАСАВИЦѢ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАКЪ.

Стр. 19, ст. 15. Опущено окончаніе стиха: „. . . *и между ногъ*“. Стихотвореніе написано къ сестрѣ А. М. Горчакова, княгинѣ Е. М. Кантакузеной, которая, впрочемъ, не знала о его существованіи. (Сообщено покойнымъ И. И. Пущинымъ.)

ПИРУЮЩІЕ ДРУЗЬЯ.

Въ рукописныхъ сборникахъ носитъ заглавіе: „Къ студентамъ“.

Стр. 20. Въ началѣ второй строфы опущены два стиха:

Ужели трезваго найдемъ
За скатертью студента?

Въ концѣ той же строфы недостаетъ также двухъ стиховъ:

И будутъ самые цари
Завидовать студентамъ.

Въ той же строфѣ, вмѣсто: „*защитникъ* — *апостолъ*.

Стр. 21, ст. 14: *Не рѣдко* . . . Варіантъ: *Не въ первый* . . .

Тамъ же, ст. 28: *задушевный*. . . . Варіантъ: *неизмѣнный*. . . . Послѣдній варіантъ вѣрнѣе, потому что эпитетъ — *неизмѣнный* лучше риѳмуется съ словомъ — *рожденный*, чѣмъ задушевный; а Пушкинъ и въ Лицеѣ не допускалъ бѣдныхъ риѳмъ.

Четыре стиха, начинающіеся словами: „Острякъ любезный!“ (стр. 20) — относятся къ покойному поэту Илличевскому. Слѣдующіе 8 стиховъ (стр. 21) — относятся къ князю А. М. Горчакову (нынѣ министръ иностранныхъ

дѣлъ). Слѣдующая за ними строфа, начинающаяся стихомъ: „Товарищъ милый! другъ прямой!“ и отличающаяся особенною теплотою, обращена къ декабристу И. И. Пущину, одному изъ благороднѣйшихъ людей, пострадавшему впослѣдствіи за святое дѣло и умершему въ 1859 г. въ Москвѣ, гдѣ онъ поселился по возвращеніи изъ ссылки. Строфа, начинающаяся стихомъ: „О ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ“, — относится къ М. Л. Яковлеву (нынѣ дѣйст. ст. сов. въ отставкѣ); слѣдующая за ней — къ И. В. Малиновскому (нынѣ полковникъ въ отставкѣ); слѣдующая (стр. 22), начинающаяся стихомъ: „Приближься милый нашъ пѣвецъ“, — къ Н. А. Корсакову, умершему въ началѣ двадцатыхъ годовъ во Флоренціи. Наконецъ, послѣдніе два стиха посланія обращены къ В. К. Кюхельбекеру, раздѣлившему горькую участь Пущина и умершему въ Сибири, въ 1843 году.

ГОРОДОКЪ.

Стр. 30. Послѣ стиха: „Увы! ни на часокъ“ — опущено два стиха, а не три, какъ означено въ послѣднемъ изданіи. Вотъ они:

Какъ будто у налоя
Измученный дьячекъ.

Стр. 36, ст. 8—11. Опущено 4 стиха:

И ты, насмѣшникъ смѣлый,
Въ ней мѣсто получилъ,
Чей въ Адѣ стихъ веселый
Поэтовъ раздражилъ.

Причина запрещенія цензурой этихъ четырехъ стиховъ, относящихся къ Батюшкову и его поэмѣ: „Видѣніе на берегахъ Леты“, рѣшительно не объяснима.

Стр. 38. Послѣ (а не вмѣсто, какъ утверждаетъ г. Геннади) стиха: „Но ею мнѣ ль гордиться?“ слѣдуетъ стихъ:

Но мнѣ ль безсмертьемъ льститься?

Стр. 43. Вмѣсто 20 заключительныхъ стиховъ, напечатано всего 6. Для ясности, помѣщаемъ, въ отдѣлѣ отрывковъ, весь конецъ, въ связи съ четырьмя предъидущими стихами.

КЪ ПУЩИНУ.

Стр. 44, ст. предпослѣдній. Вмѣсто: *жрецомъ* — *попомъ*. Такъ стоитъ въ рукописи Пушкина, находящейся въ бумагахъ покойнаго И. И. Пущина. Подъ стихотвореніемъ означено: 4 мая 1815 г.

КЪ ГАЛИЧУ.

Стр. 46, ст. 14. Напечатано: *З—еву*, читай: *Золотареву*.

Тамъ же, ст. 29: „И вдругъ, *спускаяся въ* подушку“.

Варіантъ: „И вдругъ, *спускаясь на* подушку . . .“

ВИШНЯ.

Стр. 93. Послѣ стиха: „Прельщать создана“ — пропущенъ одинъ куплетъ:

Корсетомъ прикрыта
Вся прелесть грудей,
Подъ фартукомъ скрыта
Приманка людей.

Опущенный конецъ стихотворенія помѣщаемъ въ отдѣлѣ отрывковъ.

МОЕМУ АРИСТАРХУ.

Точки, встрѣчающіяся на **стр.** 97 и 98, поставлены самимъ Пушкинымъ, и пропуска тутъ нѣтъ.

ФАВНЪ И ПАСТУШКА.

Въ рукописи стихотвореніе это носитъ заглавіе: „Картины“, и каждый изъ его IX отдѣловъ означенъ особымъ названіемъ. Именно: I) Па-

стушка, II) Пещера, III) Фавнъ, IV) Рѣчка, V) Чудо, VI) Фіалъ, VII) безъ заглавія, VIII) Очередь и IX) Философъ. Кромѣ того въ рукописи есть нѣсколько варіантовъ и добавленій противъ печатнаго. О первыхъ, по ихъ незначительности, мы умолчимъ; вторые же приведемъ здѣсь вполнѣ. Стр. 104, вмѣсто ст. 15—17, читаемъ:

Когда же *въ скромной хатѣ*
Пастушку на кроватѣ
Застанетъ тихій сонъ,
Въ полуночномъ молчаньи
При мѣсячномъ сіяньи
Слетаетъ Купидонъ. . . .

Стр. 107, вмѣсто ст. 9—12, читаемъ:

Такъ дѣвица мечтала
Подъ часъ — и воздыхала.
Вдругъ слышится глухой
Ей шорохъ за кустами,
И вотъ, *блеснувъ* очами,
Предъ нею богъ лѣсной.

ИСТИНА.

Стр. 112, вмѣсто ст. 3 и 4, въ рукописи читаемъ:

И долго, долго *повторяли*
Пустые толки стариковъ.

НАѢЗДНИКЪ.

Вотъ нѣсколько варіантовъ, извлеченныхъ нами изъ рукописи:

Стр. 121, ст. 4 и 5.

Звѣзда *полуночи* сіяла.
При *погасающихъ* огняхъ . . .

Стр. 122, ст. 8.

Вотъ полемъ *всадники спѣшатъ*. . . .

Стр. 123, ст. 15 и 16.

Предчувствую конецъ желанный;
Меня зоветъ послѣдній бой.

Стр. 124, ст. 14. Недостающаго начала стиха нѣтъ въ рукописи Пушкина, гдѣ оно также означено точками.

ПИСЬМО КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Стр. 126, вмѣсто стиховъ:

И мучить бѣднаго *Ослова* . . .
И лобъ угрюмый *Шутовского* . . .

въ рукописи стоитъ:

И мучить бѣднаго *Шишкова* . . .
И лобъ угрюмый *Шаховского* . .

ПОДРАЖАНІЕ.

Стр. 138. Недовольный первою редакціей этого стихотворенія (см. „Приложенія къ Соч. Пушкина“, стр. 22), Пушкинъ исправилъ его около 1825 г., причемъ откинулъ вовсе 14 заключительныхъ стиховъ, а въ срединѣ, вмѣсто трехъ стиховъ, поставилъ строчку точекъ, которыя не слѣдуетъ считать за пропускъ.

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Стр. 159, стихъ 7:

Въ младенчествѣ моемъ я чувствовать умѣлъ...

Варіантъ:

Ребенокъ, мирный звукъ я чувствовать умѣлъ...

Стихъ 11: *Съ какою*... Варіантъ: *Сіяя*...

Стихъ 19:

Такъ рано *встрѣтилъ я и* зракъ кровавый...

Варіантъ:

Такъ рано *зависти увидѣлъ* зракъ кровавый...

Стр. 160, ст. 1. Послѣ словъ: „Погибъ на утрѣ“, пропущено: *вешнихъ.*

Тамъ же, стихи 4, 6 и 7:

И тихо проживу . . .
И гробъ несчастнаго . . .
Забвенья поростетъ . . .

Варіанты:

Что нужды, проживу . . .
И памятникъ пѣвца . . .
Забытый, поростетъ . . .

ВЪ АЛЬБОМЪ И. И. ПУЩИНУ.

Стр. 168. Вмѣсто стиха: „Печали, радости, мечты души твоей“, въ подлинной рукописи Пушкина стоитъ два стиха:

Мечты младой души твоей,
Печали, радости, надежды, наслажденья . . .

Да въ послѣднемъ стихѣ слово: *вѣчен*ъ повторено два раза.

ПОСЛАНІЕ КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Стр. 174, ст. 4. Напечатано: *Г . . . . у*, читай: *Глинку.*

Стр. 176, ст. 11. Слѣдуетъ поставить:

Свой рай и счастіе глупцамъ . . .

Напечатано вполнѣ въ IV кн. „Полярной Звѣзды“ на 1858 г. (стр. 265—267) и „Новыхъ Стихотвореніяхъ Пушкина и Шевченки“ (1859, стр. 35—38).

КЪ М. Ѳ. ОРЛОВУ.

Стр. 186. Начало этого посланія не вполнѣ вошло въ послѣднее изданіе „Соч. Пушкина“, хотя и было напечатано въ „Библіогр. Зап.“ (1858, No. 11, столб. 338). Именно: стихи 3 и 4 — перепутаны; затѣмъ выпущено семь стиховъ, а черезъ четыре строки — еще девять. Итого — всего выпущено и искажено 18 стиховъ. Для ясности помѣщаемъ, въ отдѣлѣ отрывковъ, все начало посланія, напечатаннаго вполнѣ во II кн. „Полярной Звѣзды“ на 1856 г. (стр. 11 и 12), откуда перешло въ „Русскую Библіотеку“ (1858, т. I, стр. 13 и 14).

КЪ П. Я. ЧААДАЕВУ.

Стр. 187. Посланіе это, явившееся первоначально въ альманахѣ: „Сѣверная Звѣзда“ (1829, стр. 50), напечатано съ такими передѣлками и со-

кращеніями, сдѣланными по милости цензуры, что совершенно утратило первоначальный смыслъ, а мѣстами и смыслъ вообще. Въ такомъ видѣ перешло оно во всѣ изданія „Соч. Пушкина“, за исключеніемъ послѣдняго (Исакова), въ которомъ отброшены передѣланные издателемъ альманаха стихи. По этому помѣщаемъ въ нашемъ изданіи помянутое стихотвореніе вполнѣ, какъ оно напечатано во II кн. „Полярной Звѣзды“ на 1856 г. (стр. 10), откуда оно перепечатано въ „Русской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 6). Кромѣ того въ рукописныхъ сборникахъ встрѣчаются слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: *гордой*. Варіантъ: *тихой*.

Ст. 2: *тѣшилъ*. Варіантъ: *нѣжилъ*.

Ст. 4: *какъ сонъ*. Варіантъ: *какъ дымъ*.

Ст. 13: *свободою*. Варіантъ: *надеждою*.

Ст. 18: *заря*. Варіантъ: *звѣзда*.

Кромѣ того въ нѣкоторыхъ спискахъ, послѣ стиха: „Отчизны внемлемъ призыванья“, встрѣчаемъ два стиха:

Питай, мой другъ, священный жаръ,
И искра дѣлаетъ пожаръ.

ВЪ АЛЬБОМЪ М. А. ЩЕРБИНИНУ.

Стр. 189, ст. 10: *пафосской*. Варіантъ: *масонской*.

Н. И. КРИВЦОВУ.

Стр. 190, ст. 13:

Христосъ и вѣрный Купидонъ.

В. В. ЭНГЕЛЬГАРДТУ.

Стр. 202, ст. 7: *Какъ прежде...* Варіантъ: *Съ Кипридой...*

Ст. 13: *Пировъ и нѣги...* Варіантъ: *Свободы, Вакха...*

Ст. 14: *вѣтряный.* Варіантъ: *набожный.*

Ст. 18: *молвы.* Варіантъ: *Москвы.*

Кромѣ того въ концѣ посланія опущено два стиха:

На-счетъ небеснаго царя,
А иногда на-счетъ земного.

УЕДИНЕНІЕ.

Стр. 205, ст. 5. Вмѣсто: *цирцей — царей.*

Стр. 206. Послѣ стиха: „На пагубу людей избранное судьбой", опущено 14 стиховъ, да въ концѣ (стр. 207) — четыре. Впрочемъ эти послѣдніе четыре стиха были напечатаны въ 11 № „Московскихъ Вѣдомостей", на 1861 г., въ рѣчи

М. П. Погодина, произнесенной имъ 12 января того же года за обѣдомъ, даннымъ въ память годовщины основанія Московскаго университета. Стихотвореніе это въ рукописныхъ сборникахъ носитъ заглавіе: „Деревня“. Подъ этимъ титломъ напечатано оно вполнѣ во II кн. „Полярной Звѣзды“ на 1856 г. (стр. 6 и 7), откуда перепечатано въ „Русской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 7—9). Для ясности помѣщаемъ въ отдѣлѣ отрывковъ весь конецъ этой піесы.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Стр. 210. Въ рукописныхъ сборникахъ стихи 19, 20 и 27 читаются такъ:

Гдѣ *Бутурлинъ* невѣждъ законодатель,
Гдѣ *Шеппингъ* царь, а скука предсѣдатель...
Затянутый невѣжда-*генералъ*...

ОТВѢТЪ.

Стр. 212, ст. 3: „И *въ силѣ, въ гордости свободной*...“

Варіантъ: „И *идоламъ молвы народной*...“

Ст. 5. Вмѣсто: *Природу* — *Свободу*.

Въ 7-мъ стихѣ пропущено слово: *царей*.

Ст. 17: „*Любовь и тайная* свобода...“
Варіантъ: „*И горделивая* свобода...“

КЪ Ѳ. Ф. ЮРЬЕВУ.

Стр. 213, ст. 13: „Гдѣ съ громкимъ смѣхомъ *сладострастья*...“

РѢДѢЕТЪ ОБЛАКОВЪ ЛЕТУЧАЯ ГРЯДА.

Стр. 217. Въ концѣ стихотворенія опущено три стиха:

Когда на хижины сходила ночи тѣнь,
И дѣва юная во мглѣ тебя искала,
И именемъ своимъ подругамъ называла.

Они были исключены Пушкинымъ *по особымъ причинамъ*, которыхъ теперь не существуетъ, и потому ихъ нечего относить въ примѣчанія, какъ это сдѣлали гг. Анненковъ и Геннади.

ГРОБЪ ЮНОШИ.

Стр. 237. Точки, въ началѣ стихотворенія, поставлены самимъ Пушкинымъ, и не означаютъ пропуска.

ЧААДАЕВУ.

Стр. 246. Недостаетъ предпослѣдняго стиха:

Холопа знатнаго, *невѣжды* при звѣздѣ...

Варіантъ:

Вельможи знатнаго, *холопа* при звѣздѣ,
Или философа и проч.

Подъ именемъ философа здѣсь разумѣется графъ Толстой, прозванный Американцемъ, къ которому относятся извѣстные стихи въ „Горе отъ Ума“:

Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся Алеутомъ,
И крѣпко нà руку не чистъ.

Стр. 247. Послѣ стиха: „Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ“, опущенъ стихъ:

Вольнолюбивыя надежды оживимъ...

Тамъ же, ст. послѣдній. Напечатано: *Шеп — га*, читай: *Шеппинга.*

НАПОЛЕОНЪ.

Стр. 252. Опущена четвертая строфа, которую помѣщаетъ въ отдѣлъ отрывковъ.

Тамъ же, стихъ послѣдній:

Едва рожденная свобода...

Варіантъ:

Новорожденная свобода...

Стр. 153, ст. 1: *силъ.* Варіантъ: *крилъ.*
Ст. 14: *Сбылось...* Варіантъ: *И се...*
Ст. 22: *Надменный.* Варіантъ: *Губитель.*

Стр. 154, стихи 1 и 7:

Россія, бранная царица...
Благослови Москву, Россія!

Варіантъ:

Но Русь! возстань племенъ царица!
Въ Москвѣ не царь, въ Москвѣ — Россія!

Пропущенныя строфы были напечатаны во II кн. „Полярной Звѣзды" на 1856 г. (стр. 14 и 15), откуда перешли въ „Русскую Библіотеку" (1858, т. I, стр. 34—36).

И НѢКІЙ ДУХЪ ПОВѢЯЛЪ НЕВИДИМО.

Стр. 255—256. Опущены первые шесть куплетовъ и пятый стихъ послѣдняго (десятаго). Вполнѣ это стихотвореніе было напечатано въ V кн.

„Полярной Звѣзды“ на 1859 г. (стр. 21 и 22). Для ясности помѣщаемъ названное стихотвореніе цѣликомъ.

Купл. VII, ст. 4: *вольницы.* Варіантъ: *вольности.*

Купл. IX, ст. 5. Въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ „Соч. Пушкина“ въ этомъ стихѣ, вмѣсто: *Владыкѣ полунощи,* — поставлено: *Во мракѣ полунощи,* очевидно для цензора.

АДЕЛИ.

Стр. 264. По словомъ г. Плетнева, стихотвореніе это написано къ дочери того самаго А. Л. Давыдова (декабриста и двоюроднаго брата извѣстнаго партизана Д. В. Давыдова), къ которому адрессовано посланіе Пушкина, начинающееся стихомъ: „Нельзя, мой толстый Аристипъ“ (см. т. I, стр. 283). Къ нему же относятся стихи въ „Онѣгинѣ:

Всегда доволенъ самъ собой,
Своимъ обѣдомъ и женой.

А. Л. Давыдовъ давно умеръ въ Сибири, а вдова его, урожденная графиня Грамонъ, вышла, впослѣдствіи, замужъ за французскаго генерала Себастіани.

ЖАЛОБА.

Стр. 272. Въ печатной и рукописной редакціяхъ этого стихотворенія есть довольно-значительная разница, почему мы и печатаемъ его цѣликомъ.

ЭПИГРАММА НА К***.

Стр. 273. Читай: „Эпиграмма на Каченовскаго“.

ЭЛЕГІЯ.

Стр. 277. Это стихотвореніе, какъ равно и слѣдующее за нимъ, относятся къ г-жѣ Ризничъ, а стихъ: „Скажи еще: *соперникъ* вѣчный мой“... — къ г. Сабаньскому.

НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ ПОТУХЪ...

Стр. 279. Пять строкъ точекъ въ концѣ стихотворенія, съ двумя стихами по срединѣ и словомъ „но если“ въ концѣ, находятся въ рукописи Пушкина, и потому — это не пропускъ.

КЪ МОРЮ.

Стр. 288, ст. 3. Опущено слово: *тиранъ*.

Варіанты:

Непросвѣщенье, иль тиранъ...
Иль суевѣрье, иль тиранъ...

РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

Стр. 296. Строка точекъ, встрѣчающаяся на этой страницѣ, поставлена самимъ Пушкинымъ.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Точки въ концѣ стихотворенія (стр. 300) означаютъ не пропускъ, а переходъ отъ стиховъ къ прозѣ обыкновеннаго дружескаго письма, не представляющаго особеннаго интереса.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ АРИСТАРХУ.

Стихотвореніе это, подъ заглавіемъ: „Цензору", напечатано вполнѣ въ IV кн. „Полярной Звѣзды" на 1858 г. (стр. 268—270) и „Новыхъ Стихотвореніяхъ Пушкина и Шевченки" (1859, стр. 39—43). Что же касается послѣдняго изданія „Соч. Пушкина", то означенная пьеса помѣщена въ немъ съ нѣсколькими, впрочемъ весьма

незначительными, пропусками, означенными точками. Возстановляемъ ихъ.

Стр. 314, стихъ 26:

Гласъ правды — мятежомъ, *Куницына* — Маратомъ...

Стр. 315, стихи 19 и 25:

Осмѣивать *законъ*, *правительство* и нравы...
Радищевъ, *рабства врагъ*, *цензуры* избѣжалъ...

Стр. 316, стихъ 8:

Кутейкинъ и *Христосъ* два равныя лица!

Тамъ же, послѣ стиха: „Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся", опущено два стиха:

Когда *никто не смѣлъ отечества назвать,*
И въ рабствѣ ползали и люди и печать!

Вмѣсто слѣдующихъ за этимъ девяти стиховъ, въ „Полярной Звѣздѣ" напечатано всего семь, которые читаются такъ:

Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло, губительное время:
Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ!
Исправся жь, будь умнѣй и сбрось *вражды ты бремя.*
„Но можно ль *цензору* по совѣсти судить?
Конечно, вамъ смѣшно, а я не рѣдко плачу;
Я долженъ то того, то этого *бранить*...

Въ сущности — то же самое: выкинуто нѣсколько словъ, да переставлено нѣсколько стиховъ.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ АРИСТАРХУ.

Стр. 318. Послѣ стиха: „И ими назвалась (для риѳмы) красота“, пропущенъ стихъ:

Не оскорбляя тѣмъ и Господа-Христа.

Послѣ стиха: „Осиротѣлаго вѣнца Екатерины“, опущено 18 стиховъ, которые мы, для ясности, печатаемъ въ отдѣлѣ отрывковъ въ связи съ нѣсколькими предшествующими стихами, напечатанными въ „Сочиненіяхъ“. Изъ числа этихъ 18, запрещенныхъ цензурою, стиховъ, 5 были напечатаны въ „Библіогр. Зап.“ (1858, No. 1, столб. 348); но и они не попали въ послѣднее изданіе „Соч. Пушкина“.

ЭЛЕГІЯ.

Стр. 322. Не знаемъ, почему стихотвореніе это отнесено издателемъ къ 1825 году, когда подъ нимъ означено: 29 іюля 1826 года. Кромѣ того въ послѣднемъ изданіи не упомянуто, что въ рукописи оно имѣетъ слѣдующую помѣтку:

Усл. . . . . . о см. 25.
У. о. с. Р. П. М. К. Б.: 24.

Въ обѣихъ строчкахъ первыя слова должны означать: *Услышалъ о смерти.* Если отнести первую отмѣтку къ г-жѣ Ризничь, памяти которой посвящена эта элегія, то можно полагать, что 25 числа поэтъ улышалъ о ея смерти. Что же касается второй строчки, то, по мнѣнію многихъ, она должна читаться такъ: „*У*слышалъ *о с*мерти *Р*ылѣева, *П*естеля, *М*уравьева, *К*аховскаго, *Б*естужева 24 іюля“. Казнь была совершена 13 іюля 1826 года; извѣстіе же объ этомъ убійствѣ могло дойти до Пушкина, въ его псковской деревни, 24 числа.

19 ОКТЯБРЯ.

Стр. 329, ст. 17. Вмѣсто: *Брогліо — Брогльо.* Иначе въ стихѣ не будетъ мѣры.

Стр. 332. Послѣ стиха: „И все прошло: проказы, заблужденья!“ опущено три стиха:

Ты освятилъ тобой избрӑнный санъ;
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ.

Эти три стиха относятся къ покойному И. И. Пущину, промѣнявшему службу въ гвардіи на мѣсто судьи въ московскомъ надворномъ судѣ.

Стр. 335. Послѣ стиха: „Ура нашъ царь! Такъ выпьемъ за царя!“ опущено три стиха:

Онъ человѣкъ, — имъ властвуетъ мгновенье,
Онъ рабъ молвы, сомнѣнья и страстей;
Но — такъ и быть — простимъ ему гоненье:
Онъ взялъ и проч.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

Стр. 339. Послѣ стиха: „Я славилъ твой священный громъ“, опущено 38 стиховъ, которые мы, для ясности, помѣщаемъ въ отдѣлѣ отрывковъ въ связи съ пятью предъидущими стихами.

Стр. 342, ст. 8. Опущено окончаніе стиха, который въ рукописи читается такъ:

Сихъ палачей *самодержавныхъ*.

ЖИВЪ, ЖИВЪ КУРИЛКА!

Стр. 344. Написано на Каченовскаго.

КТО ЗНАЕТЪ КРАЙ...

Стр. 361. Точки, встрѣчающіяся въ этомъ неоконченномъ наброскѣ, поставлены самимъ Пушкинымъ, предполагавшимъ, вѣроятно, замѣнить ихъ впослѣдствіи стихами.

ЭПИГРАММА.

Стр. 374. Написана на А. Н. Муравьева (автора „Путешествія ко святымъ мѣстамъ"), разбившаго статую Аполлона.

ЭПИТАФІЯ МЛАДЕНЦУ ВОЛК—МУ.

Стр. 375. Написана на смерть сына декабриста князя Серѣя Григорьевича Волконскаго.

НЕ ПОЙ КРАСАВИЦА ПРИ МНѢ.

Стр. 380. Происхожденіе этой піесы слѣдующее: Грибоѣдовъ, возвратясь изъ Грузіи, сообщилъ одинъ грузинскій мотивъ нашему извѣстному композитору, покойному Глинкѣ, который записалъ его — и съигралъ его пришедшему къ нему Пушкину. Тому такъ понравилась музыка, что онъ тутъ же написалъ къ ней слова.

ПОСЛАНІЕ КЪ ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ.

Стр. 389, ст. 7. Въ концѣ стиха опущено слово: *молился*.

ПОДЪѢЗЖАЯ ПОДЪ ИЖОРЫ.

Стр. 390. Относится къ г-жѣ Вульфъ.

РИѲМА — ЗВУЧНАЯ ПОДРУГА.

Стр. 405, ст. 10. Вмѣсто: *Въ дни какъ...* *Въ дни когда...*

Точки, встрѣчающіяся въ этомъ стихотвореніи, или поставлены самимъ Пушкинымъ, или означаютъ мѣста, которыхъ невозможно было разобрать.

ОТРЫВОКЪ.

Стр. 412, ст. 2. Вмѣсто: *не мучитъ* — *не мутитъ.*

ЭПИГРАММЫ.

Стр. 430—432. Эпиграммы подъ No. 1 и 2 — написаны на Каченовскаго, а подъ No. 3 — на Н. И. Надеждина, какъ равно и слѣдующая за нею притча: „Сапожникъ“ (стр. 432).

СТАНСЫ.

Стр. 435. Это — посланіе къ митрополиту московскому Филарету, въ отвѣтъ на его передѣлку извѣстной піесы Пушкина: „26 мая 1828 г.“

У ПУШКИНА:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана? и проч.

У ФИЛАРЕТА:

Не напрасно, не случайно
Жизнь судьбою намъ дана! и проч.

ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

Стр. 441. Строка точекъ, поставленная въ концѣ стихотворенія, означаетъ, что оно не окончено авторомъ.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ.

Стихотвореніе это напечатано вполнѣ во II

кн. „Полярной Звѣзды“ на 1856 г. (стр. 17—19), откуда перешло въ „Русскую Библіотеку“ (1858 т. I, стр. 15—18). Въ послѣднемъ изданіи „Соч. Пушкина“ опущены четыре послѣдніе стиха первой строфы и четыре первыхъ стиха второй, вся третья строфа, четыре послѣднихъ стиха шестой строфы и вся седьмая. Означенные пропуски, за исключеніемъ нѣсколькихъ стиховъ, были одобрены въ 1858 году московскою цензурою, для напечатанія ихъ въ „Библіогр. Зап.“, гдѣ они и появились въ томъ же году (No. 11, столб. 348 и 349), а въ 1858 г. были снова запрещены петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ, почему и не могли быть помѣщены въ „Сочиненіяхъ“. Для ясности помѣщаемъ, съ отдѣлѣ отрывковъ, 1, 2, 3, 6 и 7 строфы вполнѣ.

Стр. 466, ст. 1: *ради службы*... Варіантъ: *подъ хоругвью*...

Стр. 467, ст. 3. Вмѣсто: *В... Ф....* (т. е. *Видокъ Фиглярин*ъ) — *Ѳаддей Булгаринъ*.

Тамъ же, стихъ 13:

Возросъ усерденъ, неподкупенъ...

Варіантъ:

Былъ прямъ, усерденъ, неподкупенъ....

Точки въ концѣ стихотворенія слѣдуетъ вычеркнуть, какъ лишнія.

ОСЕНЬ.

Стр. 451, ст. 18. Вмѣсто: „ровныхъ *водъ*“, слѣдуетъ поставить: „ровныхъ *рѣкъ*“. Замѣчательно, что эта опечатка, кидающаяся въ глаза каждому мало-мальски знакомому съ правилами стихосложенія, требующими трехъ риѳмъ въ октавѣ (вѣкъ, снѣгъ, *рѣкъ*), перешла во всѣ изданія „Сочиненій Пушкина“; и даже не была поставлена на видъ въ дѣльной статьѣ г. Я—на, напечатанной въ „Библіогр. Запискахъ“ 1858 года, по поводу изданія г. Анненкова.

АРІОНЪ.

Стр. 467. Это стихотвореніе имѣетъ отношеніе къ людямъ, замѣшаннымъ въ дѣлѣ 14го декабря и съ которыми Пушкинъ былъ, какъ извѣстно, въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ. Поэтъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые уцѣлѣли отъ тогдашней невзгоды (при восшествіи на престолъ Николая).

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(*Въ тревогѣ пестрой и безплодной.*)

Стр. 488. Написано фрейлинѣ А. О. Россети, выданной, впослѣдствіи, в. к. Михаиломъ Павловичемъ замужъ за Смирнова, нынѣ сенатора.

КОГДАБЪ НЕ СМУТНОЕ ВЛЕЧЕНЬЕ.

Стр. 507. Относится къ А. Олениной.

Д. В. ДАВЫДОВУ.

Стр. 510. Это посланіе по ошибкѣ отнесено къ 1834 году. На подлинникѣ, хранящемся въ семействѣ покойнаго Давыдова, означено: 18 января 1836 г. Спб.

ПОЛКОВОДЕЦЪ.

Стр. 513. Точки, встрѣчающіяся въ этомъ стихотвореніи, поставлены самимъ Пушкинымъ, и потому — это не пропускъ.

КОГДА ВЕЛИКОЕ СВЕРШАЛОСЬ ТОРЖЕСТВО.

Стр. 531. Стихотвореніе это въ рукописныхъ сборникахъ носитъ заглавіе: „Мирская власть“.

Напечатано вполнѣ во II кн. „Полярной Звѣзды“ на 1856 г. (стр. 21), откуда перепечатано въ „Русской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 21). Въ текстѣ, напечатанномъ въ послѣднемъ изд. „Соч. Пушкина“, не достаетъ шести стиховъ. Вотъ они:

Послѣ стиха: „Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?“ опущено два стиха:

Или распятіе казенная поклажа,
И вы боитеся воровъ, или мышей?

Да въ концѣ не достаетъ четырехъ стиховъ:

Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ адамовъ искупила?
Иль, чтобъ непотѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда простой народъ?

Стихи написаны потому случаю, что на выставкѣ около картины Брюлова, изображающей распятіе, были поставлены часовые, для предупрежденія тѣсноты отъ толпы.

ИЗЪ VI ПИНДЕМОНТЕ.

Стр. 532, ст. 5. Опущено слово: *царямъ*, замѣненное точками.

Тамъ же, ст. 15. Опущена вторая половина стиха: *для власти, для ливреи* . . .

19 ОКТЯБРЯ 1836.

Точки, поставленныя въ концѣ этого стихотворенія (стр. 535), означаютъ не пропускъ, а то, что оно не окончено самимъ поэтомъ.

КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

Стр. 551. Относится къ А. М. Колосовой, впослѣдствіи — Каратыгиной.

КЪ МАШѢ.

Стр. 553. Написано около 1816 года къ сестрѣ Дельвига, которой тогда было семь или восемь лѣтъ. Одинъ изъ товарищей положилъ стихи на музыку и они пѣлись тогда во всѣхъ домахъ, гдѣ лицей имѣлъ право гражданства. (Сообщено покойнымъ И. И. Пущинымъ.)

ЭПИГРАММЫ.

Стр. 566—568. Эпиграммы эти написаны: II — на Каченовскаго, III („Русскому Геснеру“) — на покойнаго идилика В. И. Панаева, а IV и V — на Булгарина.

Стр. 566, ст. 9: Вмѣсто: *Кочерговскій* — *Каченовскій.*

Стр. 567, ст. 10: Вмѣсто: *Авдѣй Флюгаринъ* — *Ѳаддей Булгаринъ*.

Тамъ же, ст. 15: Вмѣсто: *Фиглярииъ* — *Булгаринъ*.

К. А. Б***

Стр. 572. Мадригалъ написанъ къ К. А. Бакуниной.

ЭКСПРОМПТЪ.

Стр. 579, ст. 3: „Черноокая *Россети*".

КЪ ГР. КОЧУБЕЙ.

Стр. 579. Написано при посылкѣ ей оды: „Вольность".

Томъ второй.

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

Стр. 37. Послѣ стиха: „Дрожитъ, какъ листъ, дохнуть не смѣетъ", опущенъ стихъ:

Хладѣютъ перси, взоръ темнѣетъ . . .

Опущеніе этого стиха было указано въ „Библіогр. Зап.“ (1858, No. 11, столб. 350); къ сожалѣнію, г. Геннади не воспользовался этимъ указаніемъ — и не помѣстилъ стиха ни въ текстѣ, ни въ примѣчаніи, ни въ приложеніи. То же самое можно сказать и о другомъ стихѣ, изъ III пѣсни (см. стр. 55):

О, витязь! ты хранимъ судьбою!

слѣдующимъ за стихомъ: „Тобой сегодня взятый мечъ“. Оба эти стиха очевидно опущены, при первомъ изданіи поэмы, по недосмотру корректора, а въ послѣдующихъ по небрежности издателей.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

Стр. 318. Послѣ стиха: „На высотѣ, уздой желѣзной“, опущенъ стихъ:

Россію вздернулъ на дыбы?

Тамъ же, ст. 22. Опущено начало стиха. Въ рукописи онъ читается такъ:

„*Ужо тебя!*“ И вдругъ стремглавъ . . .

СКАЗКА О ЗОЛОТОМЪ ПѢТУШКѢ.

Стр. 396. Послѣ стиха: „И кричитъ: кири-ку-ку!“ опущенъ стихъ:

Царствуй, лежа на боку!

Стр. 401. Въ концѣ недостаетъ двухъ стиховъ:

Сказка — ложь, да въ ней намёкъ:
Добрымъ молодцамъ урокъ.

Подлиная рукопись названной сказки, съ рисункомъ чернилами, сдѣланнымъ самимъ авторомъ, находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, гдѣ лежитъ на виду въ залѣ No. II., во второй же витринѣ на право отъ входа.

НАЧАЛО СКАЗКИ.

Подъ этимъ названіемъ напечатаны въ послѣднемъ изд. „Соч. Пушкина“ (стр. 439) первые 22 стиха извѣстной простонародной сказки Пушкина: „Царь Никита“, явившіеся въ первый разъ въ „Библіогр. Зап.“ (1859, No. 4, столб. 107). Слѣдующіе за тѣмъ 53 стиха (отъ стиха: „Какъ бы это пояснить?“ до стиха: „Провинись жена моя!“), вмѣстѣ съ предъидущими, были напечатаны въ „Русской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 29—32),

но крайне небрежно и безграмотно, какъ и всѣ остальныя стихотворенія, вошедшія въ составъ помянутаго сборника. Кромѣ этихъ 75 стиховъ, принадлежащихъ Пушкину несомнѣнно (начало рукописи сохранилось), въ нѣкоторыхъ сборникахъ попадается и конецъ сказки, возстановленный кѣмъ-то на память, причемъ, конечно, только немногіе стихи Пушкина уцѣлѣли во всей первобытной своей чистотѣ: все остальное, очевидно, присочинено самимъ возстановителемъ текста, и передаетъ одно игривое содержаніе сказки, не передавая ея поэтическихъ красотъ. Чтобы познакомить нашихъ читателей хотя съ содержаніемъ этого произведенія прихотливой музы Пушкина, мы помѣщаемъ здѣсь помянутый отрывокъ, въ которомъ, среди наноснаго сора, попадаются чисто-пушкинскіе стихи, горящіе подобно алмазу среди навозной кучи. Вотъ этотъ конецъ:

(Видно сердцемъ были гнѣвны).
Подросли мои царевны.
Жаль ихъ стало. Царь — въ совѣтъ;
Изложилъ тамъ свой предметъ:
Такъ и такъ — довольно ясно,
Тихо, шопотомъ, негласно,
Осторожнѣе отъ слугъ.
Призадумались бояры,
Какъ лечить такой недугъ.

Вотъ одинъ совѣтникъ старый
Поклонился всѣмъ — и вдругъ
Въ лысый лобъ рукою брякнулъ
И царю онъ такъ вавакнулъ:
„О, премудрый государь!
„Не взыщи мою ты дерзость,
„Если про плотскую мерзость
„Разскажу, что было встарь.
„Мнѣ была знакома сводня
„(Гдѣ она? и чѣмъ сегодня? —
„Вѣрно тѣмъ же, чѣмъ была.)
„Баба вѣдьмою слыла,
„Всѣмъ недугамъ пособляла,
„Немощь членовъ исцѣляла.
„Вотъ ее бы отыскать!
„Вѣдьма дѣло все поправитъ:
„Что тамъ надо — то и вставитъ.“
— Такъ за ней сейчасъ послать! —
Возражаетъ царь Никита,
Брови сдвинувши сердито:
— Тотчасъ вѣдьму отыскать!
Если жь насъ она обманетъ,
Чего надо не достанетъ,
На бобахъ насъ проведетъ,
Или съ умысломъ солжетъ, —
Будь я шельма и бездѣльникъ,
Если въ чистый понедѣльникъ

Сжечь колдунью не велю:
И тѣмъ небо умолю. —
Вотъ секретно, осторожно
По курьерской подорожной
И во всѣ земли концы
Были посланы гонцы.
Они скачутъ, всюду рыщутъ
И царю колдунью ищутъ.
Годъ проходитъ и другой —
Нѣту вѣсти никакой.
Наконецъ одинъ ретивый
Вдругъ напалъ на слѣдъ счастливый.
Онъ заѣхалъ въ страшный лѣсъ
(Точно ввелъ его самъ бѣсъ),
Видитъ тамъ — стоитъ избушка;
Вѣдьма въ ней живетъ старушка.
Какъ онъ былъ царевъ посолъ,
Такъ къ ней прямо и зашелъ,
Поклонился вѣдьмѣ смѣло,
Объяснилъ ей въ чемъ все дѣло —
Какъ царевны рождены
И чего всѣ лишены.
Вѣдьма тотчасъ все смекнула...
Въ дверь гонца она толкнула,
Такъ примолвивъ: „Уходи
„Поскорѣй и безъ оглядки,
„Не то — бойся лихорадки...

„Черезъ три дня приходи
„За посылкой и отвѣтомъ,
„Только помни — чуръ — съ разсвѣтомъ".
Послѣ вѣдьма заперлась,
Уголечкомъ запаслась,
Трое сутокъ ворожила,
Такъ что бѣса приманила.
Чтобъ отправить во дворецъ,
Самъ принесъ онъ ей ларецъ
Полный грѣшными вещами,
Обожаемыми нами.
Ихъ тамъ было всѣхъ сортовъ,
Всѣхъ размѣровъ, всѣхъ цвѣтовъ,
Все отборныя, съ кудрями....
Вѣдьма всѣ перебралà,
Сорокъ лучшихъ оточла,
Ихъ въ салфетку завернула
И подъ ключъ въ ларецъ замкнула;
Съ нимъ отправила гонца,
Давъ на путь серебреца.
Ѣдетъ онъ. Заря зардѣлась....
Роздыхъ сдѣлать захотѣлось,
Захотѣлось закусить,
Жажду водкой утолить:
Онъ былъ малый акуратный,
Всѣмъ запасся въ путь обратный.
Вотъ коня онъ разнуздалъ

И покойно кушать сталъ.
Конь пасется. Самъ мечтаетъ,
Какъ его царь вознесетъ,
Графомъ, княземъ назоветъ.
Что же ларчикъ заключаетъ?
Что царю въ немъ вѣдьма шлетъ?
Въ щелку смотритъ: нѣтъ, не видно —
Запертъ плотно. Какъ обидно!
Любопытство страхъ беретъ
И всего его тревожитъ.
Ухо онъ къ замку приложитъ —
Ничего не чуетъ слухъ;
Къ носу — да, знакомый духъ....
Тьфу ты пропасть! что за чудо?
Посмотрѣть бы мнѣ не худо!
И не вытерпѣлъ гонецъ....
Но лишь отперъ онъ ларецъ,
Птички — порхъ и улетѣли,
На сучкахъ прямыхъ засѣли
И хвостами завертѣли.
Ну онъ плакать, ну ихъ звать,
Сухарями ихъ прельщать:
Крошки сыплетъ — все напрасно
(Видно кормятся не тѣмъ):
На сучечкахъ имъ прекрасно,
А въ ларцѣ сидѣть зачѣмъ?
Вотъ тащится вдоль дороги,

Вся согнувшися дугой,
Баба старая съ клюкой.
Нашъ гонецъ ей бухнулъ въ ноги:
„Пропаду я съ головой!
„Помоги! будь мать родная!
„Посмотри — бѣда какая:
„Не могу ихъ изловить!
„Какъ же горю пособить?“
Вверхъ старуха посмотрѣла,
Плюнула и прошипѣла:
— Поступилъ ты хоть и скверно,
Но не плачься, не тужи....
Ты имъ только покажи —
Сами всѣ слетятъ навѣрно. —
„Ну, спасибо!“ онъ сказалъ....
И лишь только показалъ —
Птички вмигъ къ нему слетѣли
И квартирой овладѣли.
Чтобъ бѣды не знать другой,
Онъ, безъ дальнихъ отговорокъ,
Тотчасъ ихъ подъ ключъ всѣ сорокъ
И отправился домой.
Какъ княжны ихъ получили
Прямо въ клѣтки посадили.
Царь на радости такой
Задалъ тотчасъ пиръ горой:
Семь дней сряду пировали,

Цѣлый мѣсяцъ отдыхали;
Царь совѣтъ весь наградилъ,
Да и вѣдьму не забылъ:
Изъ кунсткамеры въ подарокъ
Посланъ ей въ спирту огарокъ
(Тотъ, который всѣхъ дивилъ),
Двѣ ехидны, два скелета
Изъ того же кабинета . . .
Награжденъ былъ и гонецъ.
Вотъ и сказочки конецъ.

Томъ третій.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

Стр. 12, ст. 6. „Что тамъ ужь ждетъ его *Каверинъ*.

Стр. 128, примѣч. ст. 11. „Передъ *Истоминой* моей."

Стр. 231. Послѣ стиха: „Одними ль звуками піитъ", слѣдуетъ отступить на строку, такъ какъ съ этого мѣста начинается новая строфа. Что

же касается двухъ строчекъ точекъ, поставленныхъ на этой страницѣ, то ихъ слѣдуетъ уничтожить, такъ-какъ тутъ нѣтъ пропуска.

Между отрывками изъ „Онѣгина" („Соч. Пушкина", т. III, стр. 225—232 и „Приложенія къ соч. Пушкина", стр. 53—69) мы не находимъ одного, напечатаннаго въ изд. г. Анненкова (т. VII, стр. 74 и 75). Вотъ онъ:

Но ты губернія Псковская,
Теплица юныхъ дней моихъ,
Что можетъ быть, страна святая,
Несноснѣй барышень твоихъ?
. . . .
. . . .
. . . .

Но, уважая русскій духъ,
Простилъ бы имъ ихъ сплетни, чванство,
Фамильныхъ шутокъ остроту,
Пороки, зубъ нечистоту
И неопрятность и жеманство,
Но какъ простить имъ модный бредъ
И неуклюжій этикетъ?

Этотъ отрывокъ слѣдуетъ къ XVII строфѣ 3-ей главы.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

Стр. 344. Послѣ стиха: „Да грузъ богатый шоколата", опущено два стиха:

Да модная болѣзнь: она
Недавно къ намъ занесена.

Томъ пятый.

НОВЫЯ ВЫХОДКИ.

Стр. 165. Послѣднія двѣ строки въ рукописи читаются такъ: „..... пріуготовили крикъ: „аристократовъ къ фонарю!" и ни чуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: „Повѣсимъ ихъ, повѣсимъ!" Avis au lecteur."

ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ, ИЛИ ОПРАВДАННЫЙ А. А. ОРЛОВЪ.

Стр. 166—174. Встрѣчающіяся въ этой статьѣ буквы: Н. И. Г. и Ѳ. В. Б. означаютъ: *Нико-*

лай Ивановичъ Гречъ и *Ѳаддей Бенедиктовичъ Булгаринъ*.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МИЗИНЦѢ Г. Б...... И О ПРОЧЕМЪ.

Стр. 175—180. Здѣсь рѣчь идетъ о *Булгаринѣ*, и потому, встрѣчающіяся въ этой статьѣ буквы г. Б. и. г. Г. — должны читаться: господинъ *Булгаринъ*, господинъ *Гречъ*. На стр. 176 буквы П. В. С. — означаютъ: *Полевой*, *Воейковъ*, *Сомовъ* (*Орестъ*). На стр. 177 буква П. также означаетъ: *Полевой*.

МЫСЛИ ВЪ ДОРОГѢ.

Стр. 397. Послѣ словъ: „... если бъ менѣе объ нихъ заботились“, пропущено: „губернаторы“.

Стр. 414, строка 14. Вмѣсто: *вралю*, въ рукописи стоитъ: *бестьи*.

Томъ Шестой.

ИСТОРІЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

„Исторія пугачевскаго бунта“ напечатана почти безъ измѣненій и этимъ, нѣтъ сомнѣнія, она обязана цензурѣ Николая Павловича. Онъ читалъ ее весьма внимательно. Въ одномъ мѣстѣ, послѣ разсказа о взятіи княземъ Голицынымъ крѣпости Татищевой и совершенномъ тамъ пораженіи Пугачева, Пушкинъ разсказываетъ, что въ пору весенней оттепели тѣла убитыхъ подъ Татищевой плыли по Яику и были узнаваемы женами и матерями убитыхъ. Въ то же время старая казачка, мать Стёпки Разина, безпрестанно останавливала костылемъ плывшіе трупы, и не узнавая своего Степушки, снова отталкивала ихъ отъ берега. Николай написалъ карандашемъ на полѣ: „Лучше выпустить, ибо связи нѣтъ съ дѣломъ.“ Пушкинъ отнесъ разсказъ въ примѣчаніе, но скрылъ имя козачки (См. стр. 153, прим. 17 къ V главѣ). Въ двухъ другихъ мѣстахъ государь поставилъ по вопросительному знаку передъ двумя прилагательными: „Такъ *бѣдный* колодникъ, за годъ тому

бѣжавшій изъ Казани, отпраздновалъ свое возвращеніе“ (см. стр. 93); „Суворовъ съ любопытствомъ распрашивалъ *славнаго* мятежника о его военныхъ дѣйствіяхъ“ (см. стр. 110). Бѣдный и славный перемѣнены на *темный* и *плѣнный*. Стоитъ упомянуть, что одна изъ главъ вложена была въ листъ бумаги, на которомъ были написаны имена, пріѣзжавшихъ къ Пушкину съ визитомъ: „Креницыны Петръ и Александръ“. Какъ бы негодуя на подобное небреженіе при представленіи рукописи, Николай Повловичъ подчеркнулъ ихъ и подписалъ: „Что такое?“

Одна изъ самыхъ любопытныхъ частей „Исторіи“ — это секретныя примѣчанія къ ней, разумѣется, не попавшія въ печать. Онѣ даже не были отдѣланы Пушкинымъ. Вотъ онѣ:

1. Къ стр. 17. „Пугачевъ былъ уже пятый самозванецъ, принявшій на себя имя императора Петра III. Не только въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ сословіи существовало мнѣніе, что будто государь живъ и находится въ заключеніи. Самъ великій князь Павелъ Петровичъ долго вѣрилъ (или желалъ вѣрить) сему слуху. По восшествіи на престолъ, первый вопросъ Павла Петровича графу Гудовичу былъ: „Живъ ли мой отецъ?“

2. Къ той же стр. „Пугачевъ говорилъ, что сама императрица помогла ему скрыться“.

3. Къ стр. 18. „Первое возмутительное воззваніе Пугачева къ яицкимъ козакамъ есть удивительный образецъ народнаго краснорѣчія, не смотря на грамматическія ошибки. Оно тѣмъ болѣе подѣйствовало на умы, что объявленія (или публикаціи) Рейнсдорфа были писаны столь же вяло, какъ и правильно, длинными фразами, съ глаголами на концѣ.“

4. Къ стр. 28. „Сей Нащекинъ былъ тотъ самый, который далъ пощечину Суворову. (Послѣ того Суворовъ, увидя его, всегда прятался и говорилъ: „Боюсь, боюсь! онъ дерется.“ Суворовъ на своемъ вѣку получилъ двѣ пощечины). Нащекинъ былъ одинъ изъ самыхъ странныхъ людей того времени. (Сынъ его написалъ его записки: отроду не читывалъ я ничего забавнѣе). Государь Павелъ Петровичъ любилъ его и при восшествіи на престолъ звалъ его въ службу. Нащекинъ отвѣчалъ государю: „Вы горячи, и я горячь: служба въ прокъ мнѣ не пойдетъ.“ Государь засмѣялся и пожаловалъ ему деревню въ Костромской губерніи, куда онъ и удалился. Онъ былъ крестникомъ императрицы Елисаветы и умеръ въ 1809 г.“

5. Къ стр. 42. „Придворныя отношенія А. И. Бибикова чрезвычайно любопытны. Это одинъ изъ благороднѣйшихъ характеровъ того времени. Императрица уважала его и увѣрена была въ его

усердіи, но никогда его не любила. Въ началѣ ея царствованія былъ онъ посланъ въ Шлюссельбургъ для переговоровъ съ несчастнымъ семействомъ несчастнаго Іоанна Антоновича. Бибиковъ возвратился влюбленный безъ памяти въ принцессу Екатерину, что весьма не понравилось государынѣ. Свобода его мыслей и всегдашняя его оппозиція были извѣстны. Его подозрѣвали благопріяствующимъ той партіи, которая будто бы желала возвести на престолъ государя великаго князя. Существовала ли такая партія, или нѣтъ — другой вопросъ. Но симъ призракомъ безпрестанно смущали воображеніе государыни, и тѣмъ отравляли сношенія между матерью и сыномъ, котораго раздражали и ожесточали напрасныя подозрѣнія, ежедневныя мелочныя досады и наглая дерзость временщиковъ. Бибиковъ не разъ бывалъ посредникомъ между императрицей и великимъ княземъ. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ. Великій кн., разговаривая однажды о военныхъ движеніяхъ, подозвалъ полковника В. И. Бибикова (брата Александра Ильича) и спросилъ: во сколько времени полкъ его, въ случаѣ тревоги, можетъ поспѣть въ Гатчину? На другой день Александръ Ильичъ узнаетъ, что о вопросѣ великаго князя донесено, и что у брата его отнимаютъ полкъ. Александръ Ильичъ, распросивъ брата, бросился къ императрицѣ и объяснилъ ей, что

слова великаго князя были не что иное, какъ военное сужденіе, а не заговоръ. Государыня успокоилась, но сказала: „Скажи брату своему, что полкъ его, въ случаѣ тревоги, долженъ идти въ Петербургъ, а не въ Гатчину“.

6. Къ стр. 57. „Уральскіе козаки, большею частью раскольники (особливо старые люди), до нынѣ привязаны къ памяти Пугачева. „Грѣхъ сказать“, говорила мнѣ 80 лѣтняя козачка: „на него мы не жалуемся; онъ намъ зла не сдѣлалъ!“ — Разскажи мнѣ, говорилъ я Дмитрію Пьянову, — какъ Пугачевъ былъ посаженымъ отцемъ на твоей свадьбѣ? — „Онъ для тебя Пугачевъ“, отвѣчалъ мнѣ старикъ, разсердясь: „а для меня онъ былъ великій государь Петръ Ѳедоровичъ“. Когда я упоминалъ о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: „Не его воля была; наши пьяницы его мутили.“

7. Къ стр. 65. „Князь Голицынъ, нанесшій первый ударъ Пугачеву, былъ молодой человѣкъ и красавецъ. Императрица замѣтила его въ Москвѣ на придворномъ балѣ (въ 1775 г.) и сказала о немъ: „Какъ онъ хорошъ! настоящая куколка!“ Это слово было гибельно для Голицына. Шепелевъ (впослѣдствіи времени женатый на одной изъ племянницъ князя Потемкина) вызвалъ Голицына

на поединокъ и закололь, сказываютъ, измѣннически. Молва обвинила Потемкина“.

8. Къ стр. 95. „Кто были сіи смышленые сообщники, руководившіе дѣйствіями самозванца? Перфильевъ? Шигаевъ? Это должно явствовать изъ процесса Пугачева, но, къ сожалѣнію, я его не читалъ, не смѣвъ распечатать безъ высочайшаго на то соизволенія“.

9. Къ стр. 115. „Весь черный народъ былъ за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, — не только попы и монахи, но и архимандриты и архіереи. Одно дворянство было открытымъ образомъ на сторонѣ правительства. Пугачевъ и его сообщники хотѣли сперва и дворянъ склонить на свою сторону, но выгоды ихъ были слишкомъ противуположны. (NB. Классъ приказныхъ и чиновниковъ былъ еще малочисленъ и рѣшительно принадлежалъ простому народу. То же можно сказать и о выслужившихся изъ солдатъ офицерахъ. Множество изъ сихъ послѣднихъ было въ шайкахъ Пугачева. Шванвичъ одинъ былъ изъ хорошихъ дворянъ).

Всѣ *нѣмцы*, находившіеся въ среднихъ чинахъ, сдѣлали честно свое дѣло: Михельсонъ, Муфель, Меллинъ, Дицъ, Деморанъ, Дуве и пр. Но всѣ тѣ,

которые были въ бригадирскихъ и генеральскихъ — дѣйствовали слабо, робко, безъ усердія: Рейнсдорфъ, Брантъ, Каръ, Фрейманъ, Корфъ, Велленштернъ, Биловъ, Декалонгъ и другіе.“

10. Къ стр. 158, прим. I. „Молодой Пулавскій былъ въ связи съ женою стараго казанскаго губернатора“.

Всѣ эти 10 примѣчаній (за исключеніемъ 7-го, который здѣсь является въ первый разъ) были напечатаны въ VI кн. „Полярной Звѣзды“ на 1861 годъ (стр. 128—131).

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ СОЧИНЕНІЯМЪ ПУШКИНА.

КЪ КАВЕРИНУ.

Стр. 30, ст. 9: вмѣсто *мечтѣ*, слѣдуетъ поставить: *веснѣ*.

Тамъ же, ст. 12: *труда*. Варіантъ: *стыда*.

Стр. 31, ст. 5: *Простились мы на вѣкъ*....
Варіантъ: *Простимся на всегда*....

Тамъ же, ст. 8: *посѣтимъ съ* поклономъ....
Варіантъ: *удивимъ* поклономъ....

Тамъ же, послѣ стиха: „Молись и Вакху и любви“, пропущенъ стихъ:

Минуту юности лови...

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

Стр. 58 (отд. II), ст. 2. Опущено въ концѣ стиха слово: *обѣденъ*.

Тамъ же, послѣ стиха: „Дремалъ усталый банкомётъ“, пропущенъ стихъ:

А я все бодръ и блѣденъ . . .

Хотя въ приведенномъ нами стихѣ и недостаетъ одной стопы, тѣмъ не менѣе его не слѣдовало пропускать послѣднему изданію, когда онъ былъ однажды напечатанъ г. Анненковымъ.

ЗАПИСКИ ПУШКИНА.

Въ дополненіяхъ къ этимъ запискамъ, помѣщеннымъ въ „Приложеніяхъ къ Соч. Пушкина“, есть пропуски, которые мы дополняемъ:

Стр. 88. „NB. Дуровъ, братъ той Дуровой“ и т. д.

Стр. 89. Вездѣ, вмѣсто * * *, читай: *Дуровъ*, а вмѣсто *въ Я . . . гѣ*, *въ Ямбургѣ*.

Стр. 90. „Утро провелъ съ Пестелемъ“ и т. д.

Стр. 91. Въ началѣ фразы: „. . . наслѣдники Сѣвернаго Исполина“, пропущенъ эпитетъ: *ничтожные*.

Далѣе, на той же страницѣ, послѣ словъ: „. . . азіатское невѣжество обитало при дворѣ“, слѣдуетъ большой пропускъ:

„Петръ I не страшился народной свободы, неминуемаго дѣйствія просвѣщенія, ибо довѣрялъ

своему могуществу и презиралъ человѣчество, можетъ быть, болѣе, чѣмъ Наполеонъ. Все дрожало, все безмолвно повиновалось. Аристократія послѣ него неоднократно замышляла ограничить самовластіе: къ счастію хитрость государей торжествовала надъ честолюбіемъ вельможъ и образъ правленія остался неприкосновеннымъ. Это спасло насъ отъ чудовищнаго Феодализма, и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ. Если бы гордые замыслы Долгорукихъ и прочихъ осуществились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили бы или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостнаго состоянія, ограничили бы число дворянъ и заградили бы для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; нынѣ же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ: желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противу общаго зла, и твердое, мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы. Памятниками неудачнаго боренія аристократіи съ деспотизмомъ остались только два указа Петра III *о вольности дворянъ*, указы, кои

предки наши столько гордились и коихъ справедливѣе должны были бы стыдиться.

„Царствованіе Екатерины II имѣло новое и сильное вліяніе на политическое и нравственное состояніе Россіи. Возведенная на престолъ заговоромъ нѣсколькихъ мятежниковъ, она обогатила ихъ на счетъ народа и унизила безпокойное наше дворянство. Если царствовать значитъ знать слабость души человѣческой и ею пользоваться, то въ семъ отношеніи Екатерина заслуживаетъ удивленіе потомства. Ея великолѣпіе — ослѣпляло, привѣтливость — привлекала, щедроты — привязывали. Самое сластолюбіе (сладострастіе?) сей хитрой женщины утверждало ея владычество. Производя слабый ропотъ въ народѣ, привыкшемъ уважать пороки своихъ властителей, она возбуждала гнусное соревнованіе въ высшихъ сословіяхъ; ибо не нужно было ни ума, ни заслугъ, ни талантовъ для достиженія втораго мѣста въ государствѣ. Много было званныхъ и много избранныхъ, но въ длинномъ спискѣ ея любовниковъ имя страшнаго Потемкина будетъ отмѣчено рукою исторіи. Онъ раздѣлилъ съ Екатериной часть воинской ея славы, ибо ему обязаны мы Чернымъ моремъ и блестящими, хотя и безплодными, побѣдами въ сѣверной Турціи.

„Униженная Швеція и униженная Польша — вотъ великія права Екатерины на благодарность русскаго народа. Но современемъ исторія оцѣнитъ вліяніе ея царствованія на нравы, откроетъ жестокую дѣятельность ея деспотизма подъ личиной кротости и терпимости: народъ угнетенный намѣстниками, казну расхищенную любовниками, покажетъ важныя ошибки ея въ политической экономіи, ничтожность въ законодательствѣ, фиглярство въ сношеніяхъ съ философами ея столѣтія — и тогда голосъ обольщеннаго Вольтера не избавитъ ея славной памяти отъ проклятія Россіи.

„Мы видѣли, какимъ образомъ Екатерина унизила духъ дворянства. Въ этомъ дѣлѣ ревностно помогали ей любимцы. Стоитъ напомнить о пощечинахъ“ и т. д., какъ въ печатномъ (см. стр. 92 и 93). Затѣмъ опять пропускъ:

„Екатерина знала плутни и грабежи своихъ любовниковъ, но молчала. Ободренные таковою слабостью, они не знали мѣры“ и т. д. (см. стр. 93). Тутъ снова пропускъ, послѣ словъ: „... все было продажно“. Именно: „Такимъ образомъ развратная государыня развратила и свое государство.

„Екатерина уничтожила званіе рабства и раздарила около миліона государственныхъ крестьянъ и закрѣпила вольную Малороссію и польскія про-

винціи. Екатерина уничтожила пытку, а Тайная Канцелярія процвѣтала подъ ея патріархальнымъ правленіемъ. Екатерина любила просвѣщеніе, а Новиковъ, распространявшій первые лучи его, перешолъ изъ рукъ Шишковскаго въ темницу, гдѣ и находился до самой ея смерти. Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь, Княжнинъ умеръ подъ розгами и Фонвизинъ, котораго она боялась, не избѣжалъ бы той же участи, если бы не чрезвычайная его извѣстность.

„Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тѣмъ неограниченному своему властолюбію и угождая духу времени. Но лишивъ его независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла сильный ударъ просвѣщенію народному. Семинаріи“ и т. д., какъ въ печатномъ. (См. стр. 93 и 94.) Только послѣ словъ: „Отъ сего происходитъ въ нашемъ народѣ“ — пропущено: „презрѣніе къ попамъ“. Да черезъ четыре строчки опущено слово: „церковнаго“, замѣненное точками. Затѣмъ, на стр. 94, послѣ словъ: „... слѣдственно и просвѣщеніемъ“ — слѣдуетъ новый пропускъ: „Екатерина знала все это и имѣла свои виды.

„Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмѣрными похвалами: очень есте-

ственно; они знали ее только по перепискѣ съ Вольтеромъ и по разсказамъ тѣхъ, коимъ она позволила путешествовать.

„Фарса нашихъ депутатовъ, столь непристойно разыгранная, имѣла въ Европѣ свое дѣйствіе: „Наказъ“ ея читали вездѣ и на всѣхъ языкахъ. Довольно было, чтобы поставить ее на ряду съ Титами и Троянами; но перечитывая сей лицемѣрный „Наказъ“, нельзя воздержаться отъ праведнаго негодованія. Простительно было фернейскому философу превозносить добродѣтели Тартюфа въ юбкѣ и коронѣ: онъ не зналъ, онъ не могъ знать истины; но подлость русскихъ писателей для меня не понятна.

„Царствованіе Павла доказываетъ одно, что и въ просвѣщенныя времена могутъ родиться Калигулы. Русскіе защитники въ томъ не согласны и принимаютъ славную шутку г-жи Сталь за основаніе нашей конституціи: En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation, тоесть: правленіе въ Россіи есть самовластіе, ограниченное удавкою“.

Этотъ отрывокъ написанъ Пушкинымъ въ Кишеневѣ въ 1821 году и сохранился въ сборникѣ Н. С. Алексѣева.

Стр. 94. „Да, отвѣчала она, ихъ нынче отвозятъ назадъ. Я вышелъ взглянуть на нихъ.

Одинъ изъ арестантовъ стоялъ" и т. д., какъ въ печатномъ. Далѣе черезъ пять строчекъ: „.... я поворотился къ нимъ спиною, подумавъ, что онъ былъ потребованъ въ Петербургъ для допросовъ или объясненій. Увидавъ меня, онъ съ живостью на меня взглянулъ; я невольно обратился къ нему. Мы пристально смотримъ другъ на друга — и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись другъ къ другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдъегерь взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слушалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ тележку и ускакали.

„Я поѣхалъ въ свою сторону. На слѣдующей станціи узналъ я, что ихъ везутъ изъ Шлюссельбурга, но куда?"

Отрывокъ этотъ написанъ Пушкинымъ въ Лугѣ на клочкѣ бумаги.

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, товарищъ Пушкина по лицею, былъ приговоренъ, за 14 декабря, къ каторжной работѣ на 20 лѣтъ. Задержанный въ Варшавѣ унтеръ-офицеромъ Григорьевымъ, онъ содержался въ Шлюссельбургской крѣпости, откуда, по высочайшему повелѣнію, отправленъ 12 октября 1827 года въ Динабургскую крѣпость и зачисленъ въ ротѣ срочныхъ арестантовъ. 10 апрѣля 1831 г. переведенъ въ Ревель,

а 25 апрѣля — въ Свеаборгскую крѣпость. Пробывъ здѣсь почти четыре съ половиною года, онъ былъ отправленъ, 14 декабря 1835 г., въ Баргузинъ (Верхнеудинскаго округа, въ Сибири), въ сентябрѣ 1839 г. переведенъ въ Акшинскую крѣпость, а въ іюлѣ 1844 г. въ Смоленскуго слободу (Курганскаго уѣз. Тобольской губ.), гдѣ и умеръ 11 августа 1846 года.

Намъ удалось достать весьма интересное донесеніе фельдъегеря о вышеприведенномъ свиданіи Пушкина съ Кюхельбекеромъ, которое и помѣщаемъ здѣсь цѣликомъ:

Господину дежурному генералу главнаго штаба е. и. в. генералъ-адъютанту и кавалеру Потапову,

Фельдъегеря Подгорнаго

Рапортъ.

Отправленъ я былъ сего мѣсяца 12 числа въ г. Динабургъ съ государственными преступниками, и на пути пріѣхавъ на станцію Залазы, вдругъ бросился къ преступнику Кюхельбекеру, ѣхавшій изъ Новоржева въ С. Петербургъ, нѣкто г. Пушкинъ, началъ послѣ поцалуевъ съ нимъ разговаривать. Я, видя сіе, найпоспѣшнѣйше отправилъ какъ перваго, такъ и тѣхъ двухъ за полверсты отъ станціи, дабы не дать имъ разговаривать; а самъ остался для написанія подорожной и заплаты прогоновъ. Но г.

Пушкинъ просилъ меня дать Кюхельбекеру денегъ; я въ семъ ему отказалъ. Тогда онъ, г. Пушкинъ, кричалъ и, угрожая мнѣ, говорилъ, что: по прибытіи въ Петербургъ въ туже минуту доложу его императорскому величеству, какъ за недопущеніе распроститься съ другомъ, такъ и дать ему на дорогу денегъ; сверхъ того не премину также сказать и генералъ-адъютанту Бенкендорфу. Самъ же г. Пушкинъ между прочими угрозами объявилъ мнѣ, что онъ посаженъ былъ въ крѣпость и потомъ выпущенъ, почему я еще болѣе препятствовалъ имѣть ему сношеніе съ арестантомъ; а преступникъ Кюхельбекеръ мнѣ сказалъ:. это тотъ Пушкинъ, который сочиняетъ.

28 октября, 1827 г.

Просимъ не заподозрить насъ въ безграмотной передачѣ приведеннаго рапорта. Онъ снятъ съ дипломатическою точностью съ подлинника.

Стр. 95. „26 іюля (1831). Вчера государь императоръ отправился въ Военныя Поселенія (въ Новгородской губерніи), для усмиренія возникшихъ тамъ безпокойствъ. Нѣсколько офицеровъ и лекарей убито бунтовщиками. Ихъ депутаты пришли въ Ижору съ повинною головою и съ роспискою одного изъ офицеровъ, котораго передъ смертію принудили бунтовщики письменно

показать, будто бы онъ и лекарь отравляли люд: й.

„Государь говорилъ съ депутатами мятежниковъ, послалъ ихъ назадъ, приказалъ во всемъ слушаться гр. Орлова, посланнаго въ Поселенія при первомъ извѣстіи о бунтѣ и обѣщалъ самъ къ нимъ пріѣхать. „Тогда я васъ прощу“, сказалъ онъ имъ. Кажется все усмирено, а ежели нѣтъ еще, то все усмирится присутствіемъ государя.

„Однако жь сіе рѣшительное средство, какъ послѣднее, не должно быть еще употребляемо. Народъ не долженъ привыкать къ царскому лицу, какъ обыкновенному явленію. Расправа полицейская должна одна вмѣшиваться въ волненія площади, и царскій голосъ не долженъ угрожать ни картечью, ни кнутомъ. Царю не должно сближаться лично съ народомъ. Чернь перестанетъ скоро бояться таинственной власти и начнетъ тщеславиться своими сношеніями съ государемъ. Скоро въ своихъ мятежахъ она будетъ требовать появленія его, какъ необходимаго обряда. Донынѣ государь, обладающій даромъ слова, говорилъ одинъ, но можетъ найтиться въ толпѣ голосъ для возраженія. Таковые разговоры неприличны, а пренія площадныя превращаются тотчасъ въ ревъ и вой голоднаго звѣря. Россія имѣетъ 12,000 верстъ въ

ширину. Государь не можетъ явиться вездѣ, гдѣ можетъ вспыхнуть мятежъ."

Стр. 96. „На дняхъ скончался въ Петербургѣ фонъ-Фокъ, начальникъ III отдѣленія государевой канцеляріи (тайной полиціи), человѣкъ добрый, честный и твердый. Государь сказалъ: „J'ai perdu Fock: je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer". Вопросъ: кто будетъ на его мѣстѣ? важнѣе другаго вопроса: что сдѣлаемъ съ Польшей?

„29 іюля (1831). Третьяго дня государыня родила в. кн. Николая. Наканунѣ она позволила фрейлинѣ *Россети* выйти за *Смирнова*. Государь пріѣхалъ передъ самыми родами императрицы. Бунтъ въ новгородскихъ колоніяхъ усмиренъ его присутствіемъ. Нѣсколько генераловъ, полковниковъ и почти всѣ офицеры полковъ Аракчеевскаго и короля Прусскаго перерѣзаны. Мятежники имѣли списки мнимыхъ отравителей, т. е. начальниковъ и лекарей. Генерала они засѣкли на плащѣ. Надъ нѣкоторыми жертвами убійцы ругались. Посадивъ на стулъ одного маіора, они подходили къ нему съ шутками: „Ваше высокоблагородіе, что это вы такъ поблѣднѣли? Вы сами не свои. Вы такъ смирны" — и съ этимъ словомъ били его по лицу. Лекарей убито 15 человѣкъ. Одинъ изъ нихъ спасенъ больными, лежавшими въ лазаретѣ

Этотъ лекарь находился 12 лѣтъ въ колоніи, былъ отмѣнно любимъ солдатами за его усердіе и добродушіе. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотѣли однако же его зарѣзать, ибо и онъ стоялъ въ спискѣ жертвъ. Больные вытребовали его изъ подъ караула. Мятежники хотѣли было ѣхать къ Аракчееву въ Грузино, чтобы убить его, а домъ разграбить. 30 троекъ были уже готовы. Жандармскій офицеръ, взявшій надъ ними власть, успѣлъ уговорить ихъ оставить это намѣреніе. Онъ было спасъ и офицеровъ полка Прусскаго короля, уговоривъ мятежниковъ содержать несчастныхъ подъ арестомъ, но послѣ его отъѣзда убійства совершились. Государь обѣдалъ въ Аракчеевскомъ полку. Солдаты встрѣтили его съ хлѣбомъ и медомъ. Арендъ, находившійся при немъ, сказалъ имъ съ негодованіемъ: „Вамъ бы должно вынести кутью.“ Государь собралъ полкъ въ манежѣ, приказалъ попу читать молитвы, приложился и обратился къ мятежникамъ. Онъ ругалъ ихъ, объявилъ, что не можетъ ихъ простить и требовалъ, чтобы они выдали ему зачинщиковъ. Полкъ обѣщался. Свидѣтели съ восторгомъ и изумленіемъ говорятъ о мужествѣ и силѣ духа императора. Восемь полковъ, возмутившихся въ Старой Русѣ, получили повелѣніе идти въ Гатчино“.

Стр. 97. Послѣ словъ: „Паскевичъ сдѣланъ

княземъ свѣтлѣйшимъ“ — опущено: „Скржинецкій скрывается, Лелевель при Ромарино; Суворовъ видѣлъ въ Варшавѣ Montebello, Высоцкаго, начинщика революціи, гр. А. Потоцкаго и другихъ“. На той же страницѣ, вмѣсто: С—ій и С . . ., слѣдуетъ поставить: Скржинецкій, а вмѣсто С—го: Скржинецкаго.

Стр. 101. Между анекдотами, помѣщенными на этой страницѣ подъ No. 4 и 5, пропущены два слѣдующіе.

„5. Когда въ 1815 году дѣло шло о возстановленіи Польши, тогда графъ Поццо-ди-Борго прислалъ государю свое мнѣніе. (Графъ противился всѣми силами исполненію сей великой ошибки.) Государь, прочитавъ его, сказалъ князю Козловскому: „Le comte Pozzo a plus d'ésprit que moi, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire“. Козловскій не преминулъ. Поццо отвѣчалъ: „Ce là peut-être, aussi dans cette occasion, n'ai je pas parlé comme confesseur“.

„6. Однажды маленькій арапъ (Ганнибалъ), сопровождавшій Петра I въ его прогулкѣ, остановился за нѣкоторой нуждой и вдругъ закричалъ въ испугѣ: „Государь, государь! изъ меня кишка лезетъ“. Петръ подошелъ къ нему и увидя въ чемъ дѣло, сказалъ: „Врешь, это не кишка, а глиста“,

— и выдернулъ глисту своими пальцами. Анекдотъ довольно нечистъ, но рисуетъ обычаи Петра“.

Стр. 103. Въ анекдотѣ подъ No. 9 буква Б. — означаетъ Болдырева, а въ анекдотѣ подъ No. 10, вмѣсто Д—гъ и Р—ва; слѣдуетъ поставить: Дельвигъ, Рылѣева. Затѣмъ пропущено три анекдота:

„15. Когда Потемкинъ вошелъ въ силу, онъ вспомнилъ объ одномъ изъ своихъ деревенскихъ пріятелей — и написалъ ему слѣдующіе стихи:

Любезный другъ,
Коль тебѣ досугъ —
Пріѣзжай ко мнѣ.
Коли не такъ —
М . . . т . . . растакъ!
Лежи въ г . . . .

Любезный другъ поспѣшилъ пріѣхать на ласковое приглашеніе.

„16. Графъ К. Разумовскій былъ въ заговорѣ 1762 г. Исполненіе было ускорено измѣною одного изъ сообщниковъ. Екатерина уже бѣжала изъ Петергофа, а Разумовскій еще ничего не зналъ. Онъ былъ дома. Вдругъ слышитъ — къ нему стучатся. „Кто тамъ?“ — Орловъ. Отоприте. — Алексѣй Орловъ, котораго до тѣхъ поръ гр. Разумовскій не видывалъ, вошелъ и объявилъ, что

Екатерина въ Измайловскомъ полку, но что полкъ, взволнованный двумя офицерами (дѣдомъ моимъ А. А. Пушкинымъ и не помню кѣмъ еще), не хочетъ ей присягать. Разумовскій взялъ пистолеты въ карманы, поѣхалъ въ фурѣ, приготовленной для посуды, явился въ полкъ и увлекъ его. Дѣдъ мой посаженъ былъ въ крѣпость, гдѣ и сидѣлъ два года.

„17. 6го октября 1834 г. Дм(итріевъ) предлагалъ императору А. Муравьева въ сенаторы. Царь отказался начисто и, помолчавъ, объяснилъ на то причину. Онъ былъ въ заговорѣ Палена. Паленъ заставилъ Муравьева писать конституцію — и между тѣмъ произошло дѣло 11 марта. Муравьевъ хвастался въ послѣдствіи времени, какъ будто бы онъ не иначе соглашался на революцію, какъ съ тѣмъ, чтобы наслѣдникъ подписалъ хартію. Вздоръ. Планъ былъ начертанъ Рибасомъ и Паленомъ. Первый отсталъ, раскаясь и будучи осыпанъ милостями Павла. Паденіе Палена произошло отъ того, что онъ сказалъ, что все произошло по его плану. Слова сіи были доведены до государыни Маріи Ѳедор(овны) и Паленъ былъ удаленъ.“

(Слышалъ отъ Д.)

Слѣдуютъ анекдоты 18 и 19, напечатанные въ „Приложеніяхъ“ (стр. 103) подъ NNo. 11 и 12. Затѣмъ пропущенъ анекдотъ:

„20. Барковъ заспорилъ однажды съ Сумароковымъ о томъ, кто изъ нихъ скорѣе напишетъ оду. Сумароковъ заперся въ своемъ кабинетѣ, оставя Баркова въ гостиной. Черезъ четверть часа Сумароковъ входитъ съ готовой одой и не застаетъ уже Баркова. Люди докладываютъ, что онъ ушелъ и приказалъ сказать Александру Петровичу, что де его дѣло въ шляпѣ. Сумароковъ догадывается, что тутъ какія нибудь проказы. Въ самомъ дѣлѣ, видитъ онъ на полу свою шляпу и . . .“

Кромѣ „Четырехъ разсказовъ Н. К. Загряжской о Потемкинѣ“, помѣщенныхъ въ IV томѣ „Соч. Пушкина“ (стр. 104—107), и двухъ (про Орлова и Петра III), напечатанныхъ въ „Приложеніяхъ“ (стр. 104 и 105), въ тетради Пушкина находится еще три слѣдующихъ разсказа:

„1. Это было передъ самымъ Петровымъ днемъ. Мы ѣхали въ Знаменское; матушка, сестра Елизавета Кириловна и я въ одной каретѣ, батюшка съ Василій Ивановичемъ — въ другой. На дорогѣ останавливаетъ насъ курьеръ изъ кабинета, подходитъ къ каретамъ и объявляетъ, что государь приказалъ звать насъ въ Петергофъ. Батюшка велѣлъ было ѣхать, а Василій Иван. сказалъ ему: „Полно, не слушайся; знаю что такое. Государь сказалъ, что онъ когда нибудь пошлетъ

за дамами, чтобъ онѣ явились во дворецъ, какъ ихъ застанутъ, хоть въ однѣхъ рубашкахъ. И охота ему проказить наканунѣ праздника". Но курьеръ попросилъ батюшку выдти на минуту. Они поговорили — и батюшка велѣлъ тотчасъ ѣхать въ Петергофъ. Подъѣзжаемъ ко дворцу; насъ не пускаютъ; часовой сунулъ намъ въ окошко пистолетъ или что то эдакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отецъ мнѣ сказалъ: „Полно, перестань; что за глупость", — и потомъ, обратясь къ часовому: „мы прiѣхали по приказанiю государя". — Извольте же идти въ караульню. — Батюшка пошелъ, а насъ отправили къ * * *, который жилъ въ домикахъ. Насъ приняли. Часа черезъ два приходятъ отъ батюшки просить насъ на Mon-plaisir; всѣ поѣхали; матушка въ спальномъ платьѣ, какъ была. Прiѣзжаемъ въ Monplaisir, видимъ множество дамъ, разряженныхъ en robe de cour. А государь съ шляпою на бекрень и ужасно сердитый. Увидя государя, я испугалась, сѣла на полъ и закричала: „ни зачто не пойду на галеру". Насилу меня уговорили. Минихъ былъ съ нами. Мы прiѣхали въ Кронштадтъ. Государь первый вышелъ на берегъ; всѣ дамы за нимъ. Матушка осталась съ нами на галерѣ (мы не принадлежали той партiи). Графиня * * * Карловна Воронцова обѣщала прислать за нами шлюбку.

Вмѣсто шлюбки черезъ нѣсколько минутъ видимъ государя и всю его компанію: бѣгутъ назадъ всѣ опять на галеру; кричатъ, что сейчасъ станутъ насъ бомбардировать. Государь ушелъ à fond de cale съ гр. Лизаветой Романовной; а Минихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, разговариваетъ съ дамами, leur faisant la cour. Мы пріѣхали въ Ораніенбаумъ. Государь пошелъ въ крѣпость (?), а мы во дворецъ. На другой день зовутъ насъ къ обѣдни. Мы знали уже все. Государь былъ очень жалокъ. На эктиньѣ его еще поминали. Мы съ нимъ простились. Онъ далъ матушкѣ траурную свою карету съ короною. Мы поѣхали въ ней. Въ Петербургѣ народъ принялъ насъ за императрицу и кричалъ намъ: ура! На другой день государыня привезла матушкѣ ленту.

„2. Я была очень смѣшлива. Государь, который часто ѣзжалъ къ матушкѣ, бывало нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на государя.

„3. Orloff était regicide dans l'âme, c'était comme une mauvaise habitude. Я встрѣтилась съ нимъ въ Дрезденѣ. Мы разговорилися о Павлѣ I. „Что за уродъ! Какъ это его терпятъ?“ — Ахъ, батюшка, да что же ты прикажешь дѣлать? Вѣдь не задушить же его.... — „А почему же и это, матушка?“ — Какъ! и ты согласился бы,

чтобы дочь твоя Анна Алексѣевна вмѣшалась въ это дѣло? — „Не только согласился бы, а былъ бы очень тому радъ". Вотъ каковъ былъ человѣкъ!"

Всѣ девять разсказовъ Загряжской расположены въ тетради Пушкина въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Вы слыхали про Ветошкина? . . .
2. Это было предъ самымъ . . .
3. Потемкинъ очень меня любилъ . . .
4. Orloff était mal élevé . . .
5. Потемкинъ, сидя у меня . . .
6. Я была очень смѣшлива . . .
7. Государь (Петръ III) однажды объявилъ . . .
8. Потемкинъ пріѣхалъ со мною проститься . . .
9. Orloff était regicide dans l'âme . . .

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АРЗРУМЪ.

Къ двумъ отрывкамъ, помѣщеннымъ въ „Приложеніяхъ" (стр. 105—107), прибавляемъ третій, взятый изъ бумагъ Пушкина. Предлагаемый отрывокъ предшествуетъ двумъ напечатаннымъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляетъ начало всего сочиненія:

„Изъ Москвы поѣхалъ я на Калугу, Бѣлевъ и Орелъ и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишнихъ, за то увидѣлъ Ермолова. Онъ живетъ

въ Орлѣ, близь коего находится его деревня. Я пріѣхалъ къ нему въ 8 часовъ утра и не засталъ его дома. Извощикъ мой сказалъ мнѣ, что Ермоловъ ни у кого не бываетъ, кромѣ какъ у отца своего — простаго, набожнаго старика, что онъ не принимаетъ однихъ только городскихъ чиновниковъ, а что всякому другому доступъ свободенъ. Черезъ часъ я снова къ нему пріѣхалъ. Ермоловъ принялъ меня съ обыкновенною своею любезностью. Съ перваго взгляда я не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго сходства съ его портретами, писанными обыкновенно профилемъ. Лицо круглое, огненные, сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ. Голова тигра на геркулесовомъ торсѣ. Улыбка непріятная, потому что не естественна. Когда же онъ задумывается и хмурится, то онъ становится прекрасенъ и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Довомъ. Онъ былъ въ зеленомъ черкескомъ чекменѣ. На стѣнахъ его кабинета висѣли шашки и кинжалы — памятники его владычества на Кавказѣ. Онъ повидимому нетерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе. Нѣсколько разъ принимался онъ говорить о Паскевичѣ и всегда язвительно: говоря о легкости его побѣдъ, онъ сравнивалъ его съ Навиномъ, предъ которымъ стѣны падали отъ трубнаго звука, и называлъ графа Эриванскаго — графомъ Ерихонскимъ. „Пускай

нападетъ онъ“, говорилъ Ермоловъ, „на пашу не умнаго, не искуснаго, но только упрямаго, напримѣръ на пашу, начальствовавшаго въ Шумлѣ — и Паскевичъ пропалъ“. Я передалъ Ермолову слова гр. Толстого, что Паскевичъ такъ хорошо дѣйствовалъ въ персидскую компанію, что умному человѣку осталось бы только дѣйствовать похуже, чтобы отличиться отъ него. „Можно бы было сберечь людей и издержки“, сказалъ онъ. Думаю, что онъ пишетъ или хочетъ писать свои записки. Онъ недоволенъ исторіей Карамзина: онъ желалъ бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа отъ ничтожества къ славѣ и могуществу. О запискахъ кн. Курбскаго говоритъ онъ con amore. Нѣмцамъ досталось. „Лѣтъ черезъ 50“, сказалъ онъ, „подумаютъ, что въ нынѣшнемъ походѣ была вспомогательная прусская или австрійская армія, предводительствуемая такими то нѣмецкими генералами“. Я пробылъ у него часа два; ему было досадно, что не помнилъ моего полнаго имени. Разговоръ нѣсколько разъ касался литературы. О стихахъ Грибоѣдова говоритъ онъ, что отъ ихъ чтенія скулы болятъ. О правительствѣ и политикѣ небыло ни слова“.

Этотъ отрывокъ былъ напечатанъ въ VI кн. „Полярной Звѣзды“ на 1861 годъ (стр. 121—123).

ДУБРОВСКІЙ.

Въ примѣчаніяхъ къ этой повѣсти, помѣщенныхъ въ „Приложеніяхъ“ (стр. 111 и 112), есть недомолвки, которыя мы возстановляемъ. Дѣло, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, производилось въ Козловскомъ уѣздномъ судѣ (Тамбовской губ.) между полковникомъ Семеномъ Петровичемъ Крюковымъ и поручикомъ Иваномъ Яковлевичемъ Муратовымъ, изъ которыхъ первый добивался отнять у послѣдняго имѣніе, состоящее въ сельцѣ Новопанскомъ, съ 186 душами. Это вопіющее дѣло окончилось въ 1832 году въ пользу Крюкова и подало Пушкину мысль написать повѣсть „Дубровскій“.

Журнальныя статьи.

МЫСЛИ ВЪ ДОРОГѢ.

Стр. 134. Послѣ словъ: „... нежели съ“ — пропущено: „верховной властью“.

Стр. 135. Въ самамъ началѣ статьи „Черная Грязь“ пропущено: „Здѣсь я видѣлъ также изрядный опытъ самовластія дворянскаго надъ крестьянами“. Далѣе, послѣ словъ: „... Творца

вселенныя“ — новый пропускъ: „И служитель его пріиметъ исторгнутую властію клятву и утвердитъ бракъ!“ Черезъ три строки, послѣ словъ: „... останется ненаказаннымъ“ — еще пропускъ: „Почто удивляться сему? Благословляетъ бракъ наемникъ; градодержатель для охраненія закона опредѣленный — дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семъ дѣлѣ свою пользу. Первый ради полученія мзды, другой, дабы истребляя поносительное человѣчеству насиліе не лишиться самому лестнаго преимущества — управлять себѣ подобными самовластно. О, горестная участь многихъ миліоновъ! конецъ твой сокрытъ еще и отъ взора внучатъ моихъ“.

Стр. 138. Послѣ словъ: „... доселѣ зависѣлъ онъ отъ своенравія женскаго“, пропущено: „Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда батожьемъ наказанъ не буду.

„Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господскій былъ человѣкъ, любопытствовалъ отъ него узнать причину необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о семъ онъ отвѣтствовалъ: „Если бы, государь мой, съ одной стороны поставлена была висѣлица, а съ другой глубокая рѣка, и стоя между двухъ гибелей, неминуемо бы должно было идти направо или на лѣво, въ петлю или въ воду, что избрали бы вы, чтобы заставило желать разсудокъ

и чувствительность? Я думаю, да и всякій другой избралъ бы броситься въ рѣку, въ надеждѣ, что преплывъ на другой берегъ опасность уже минется. Ни кто не согласился бы испытать — тверда ли петля — своей шеею. Таковъ былъ мой случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тѣмъ и конецъ былъ, но умирать тошною смертью подъ батожьемъ, подъ кошками, въ кандалахъ, въ погребѣ, нагу, босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнемъ поруганіи... Государь мой, хотя холопей вы щитаете своимъ имѣніемъ, нерѣдко хуже скотовъ, но къ несчастію ихъ горчайшему они чувствительности не лишены. Вамъ удивительно, вижу я, слышать таковыя слова въ устахъ крестьянина; но слыша ихъ для чего не удивляетесь жестокосердію своей собратіи дворянъ.“

Стр. 141. Въ самомъ началѣ статьи: „Тверь“ пропущены слѣдующія строки: „Стихотворство у насъ, говорилъ товарищъ мой трактирнаго обѣда, въ разныхъ смыслахъ, какъ оно пріемлется, далеко еще отстоитъ величія. Поэзія было пробудилась, но нынѣ паки дремлетъ, а стихосложеніе шагнуло одинъ разъ и стало въ пень“.

Стр. 146. Послѣ словъ: „... прилагая оныя къ обработыванію земли“, пропускъ: „Способомъ къ сему надежнѣйшимъ почелъ онъ уподобить кре-

стьянъ своихъ орудіямъ, ни воли, ни побужденій неимѣющимъ; и уподобилъ ихъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудою, устремляющимся на бой грудою, а въ единственности ничего не значущимъ. Для достиженія своея цѣли онъ отнялъ у нихъ малый удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ, на необходимое пропитаніе, даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, сей дворянинъ нѣкто — всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя. А дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстиое. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а по обыкновенію Лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя для соблюденія желудка въ мясоѣдъ пустые шти, а въ посты и постные дни хлѣбъ съ квасомъ. Истинныя разговенья бывали развѣ на святой недѣли.

„Таковымъ урядникамъ производилась также приличная и соразмѣрная одежда. Обувь для зимы, т. е. лапти, дѣлали они сами; онучи получали отъ господина своего, а лѣтомъ ходили босы. Слѣд-

ственно у таковыхъ узниковъ небыло ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ не отымалъ, но способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда биралъ къ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ."

На той же страницѣ, послѣ словъ: „... котораго онъ не думалъ скрывать" — пропущено слѣдующее мѣсто: „Сдѣлавшись помѣщикомъ 2000 душъ, онъ нашелъ своихъ крестьянъ, какъ говорится, избалованными слабымъ и безпечнымъ своимъ предшественникомъ. Первымъ стараніемъ его было общее и совершенное разореніе. Онъ немедленно приступилъ къ совершенію своего предположенія и въ три года привелъ крестьянъ въ жестокое положеніе. Крестьянинъ не имѣлъ ни какой собственности: онъ пахалъ барскою сохою, запряженной барской клячею; скотъ его былъ весь проданъ; онъ садился за спартанскую трапезу на барскомъ дворѣ; дома не имѣлъ онъ ни штей, ни хлѣба. Одежда, обувь выдавались ему отъ господина, — словомъ" и проч., какъ въ печатномъ.

Стр. 147. Окончаніе второй строки: „Онъ былъ убитъ своими крестьянами во время пожара."

ИСТОРІЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

Стр. 153. Послѣ словъ: „... онъ былъ убитъ“ — пропущено: „своими крестьянами, выведенными изъ терпѣнія его жестокостью“.

Стр. 156. Вмѣсто встрѣчающихся на этой страницѣ: *О—вы*, *О—въ* и т. д., слѣдуетъ *вездѣ* поставить: *Орловы*, *Орловъ* и т. д.

II.

СТИХОТВОРЕНІЯ, НАПЕЧАТАННЫЯ ВЪ ЖУРНАЛАХЪ, НО НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ИЗДАНІЕ „СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА“.

НЕ ТО БѢДА, ЧТО ТЫ ПОЛЯКЪ...

Эта эпиграмма не вошла въ послѣднее изданіе, не смотря на то, что была дважды напечатана въ русскихъ журналахъ еще при жизни Булгарина, на котораго написана. Именно, въ первый разъ она появилась въ „Сынѣ Отечества“, журналѣ, изд. Н. Гречемъ и Ѳ. Булгаринымъ (1830, т. XI, No. 17, стр. 303), съ такимъ объясненіемъ: „Въ Москвѣ ходитъ по рукамъ и пришла сюда, для раздачи любопытствующимъ, эпиграмма одного извѣстнаго поэта. Желая угодить нашимъ противникамъ и читателямъ, и сберечь сіе драгоцѣнное произведеніе отъ искаженія при перепискѣ, печатаемъ оное“. Затѣмъ слѣдуетъ самое стихотвореніе, съ примѣ-

чаніемъ: „Правда, бѣда — но кому? Не литературнымъ ли трутнямъ, Цапхалкинымъ, Задушатинымъ и т. п.?“ Въ 1858 году эпиграмма была напечатана снова въ I томѣ „Библіогр. Зап.“ (No. 12, столб. 368) — и все-таки не попала въ собраніе „Соч. Пушкина.“

НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ ЛУКУЛЛА.

Напечатано въ первый разъ, еще при жизни Пушкина, въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ (1835, сентябрь, кн. II, стр. 191—193); перепечатано въ „Библіогр. Зап.“ (1858, No. 12, столб. 367 и 368), и въ заграничныхъ изданіяхъ: „Полярной Звѣздѣ“ (1856, кн. II, стр. 22 и 23) и „Русской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 22—24). Подъ титломъ стихотворенія означено: „Подражаніе латинскому“; но это несправедливо. Подобно знаменитому посланію Рылѣева: „Къ Временщику“, выданному имъ за подражаніе Персію, оно только прикрыто этою надписью отъ подозрительности цензуры. Стихи написаны на выздоровленіе графа Шереметева послѣ тяжкой и опасной болѣзни. Онъ былъ тогда бездѣтенъ, — и все его состояніе должно было перейти къ С. С. Уварову (еще не графу и не богачу), какъ ближайшему родственнику. Увѣренный въ близкой кончинѣ Шереметева,

Уваровъ опечаталъ было имущества графа, но тотъ выздоровѣлъ и, конечно, остался недоволенъ поспѣшностью своего наслѣдника. Эта стихотворная шутка, глубоко оскорбившая Уварова, была, какъ говорятъ, источникомъ всѣхъ огорченій Пушкина, омрачившихъ послѣдніе мѣсяцы его жизни и, наконецъ, причиной его смерти.

ЭЛЕГІЯ НА СМЕРТЬ ТЕТУШКИ.

Первоначально напечатана въ „Современникѣ“ (1854, т. 47, No. 9, отд. III, стр. 18), откуда перешла въ „Библіогр. Зап.“ (1858, No. 12, столб. 366) и „Полярную Звѣзду“ (1858, кн. IV, стр. 273). Этотъ шуточный панигирикъ, написанный Пушкинымъ въ веселую минуту, весьма́ не понравился дядѣ поэта, Василію Львовичу. Дельвигъ, по просьбѣ Александра Сергѣича, написалъ Василію Львовичу объяснительное письмо и такимъ образомъ возстановилъ миръ между дядею и племянникомъ. Не знаемъ, повѣрилъ ли вполнѣ этому объясненію Василій Львовичъ, но во всякомъ случаѣ Дельвигъ прослылъ авторомъ элегіи, и только въ послѣдніе годы былъ обнаруженъ настоящій сочинитель.

Ст. 13: *Но вотъ уже* Василій Львовичъ...
Варіантъ: *Самъ дядюшка* Василій Львовичъ...

ПОСЛУШАЙ, ДѢДУШКА...

„Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина". („Сочиненія Пушкина", изд. г. Анненкова, т. I, стр. 46). Это — пародія на стихотвореніе Жуковскаго „Тлѣнность", написанное бѣлыми стихами, которыхъ Пушкинъ не жаловалъ въ молодости, хотя и написалъ ими еще въ лицеѣ двѣ пьесы: „Бова" и „Фіалъ Анакреона". Жуковскій отъ души смѣялся надъ пародіей молодого поэта, но предрекалъ ему время, когда онъ перемѣнитъ мнѣніе своё о бѣломъ стихѣ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ Н. С. АЛЕКСѢЕВУ.

„Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина". („Сочиненія Пушкина", изд. г. Анненкова, т. I, стр. 173). Писано къ тому же лицу, къ которому обращено посланіе, напечатанное на 232 стр. I тома послѣдняго изданія „Соч. Пушкина".

ИНОЙ ИМѢЛЪ МОЮ АГЛАЮ...

„Библіографическія Записки", 1858, т. I, No. 1, столб. 6.

ПОСЛАНІЕ КЪ ОЛЕНИНОЙ.

Стихотвореніе это не вошло въ послѣднее изданіе даже и въ томъ искаженномъ видѣ, въ какомъ оно напечатано въ „Библіогр. Зап.“ (1858, No. 11, столб. 337). Напечатано вполнѣ въ V кн, „Полярной Звѣзды“ на 1859 годъ (стр. 24).

Ст. 8: Желанья *плоти* въ немъ родитъ...

Варіантъ: *И пылъ* желанья въ немъ родитъ...

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВѢДЬ.

Напечатана въ „Библіографическихъ Запискахъ‘ (1858, No. 11, столб. 342) и въ „Атенеѣ“ (1858, No. 25, стр. 596 и 597); въ послѣднемъ съ прибавкою восьми заключительныхъ стиховъ. Не смотря на то, стихи все-таки не вошли въ послѣднее изданіе.

Стихи 6 и 7:

Я не хочу его *села*,
Не *нужно* мнѣ его *вола*...

Варіантъ:

Я не хочу его *вола*,
Не *надо* мнѣ его *осла*...

Послѣдніе восемь стиховъ (начиная со словъ: „Кто сердцемъ....“), по мнѣнію нѣкоторыхъ, не принадлежатъ Пушкину.

ТЫ И Я.

Начало стихотворенія (кончая стихомъ: „И тебѣ нерѣдко лѣнь“) напечатано въ „Библіогр. Зап.“ (1858, No. 12, столб. 369), но и оно не попало въ послѣднее изданіе. Остальная часть стихотворенія является здѣсь въ первый разъ.

ПРО СЕБЯ.
ЛЬВУ СЕРГѢЕВИЧУ ПУШКИНУ.
КЪ СМИРДИНУ КАКЪ НИ ЗАЙДЕШЬ...

Всѣ три стихотворенія напечатаны въ „Библіогр. Зап.“ (1858, No. 12, столб. 370). Кромѣ того вторая эпиграмма была напечатана во IV кн. „Полярной Звѣзды“ на 1858 годъ (стр. 272), а послѣдняя — въ статьѣ И. И. Панаева: „Литературныя Воспоминанія“ („Современникъ“, 1861, т. 85, No. I, отд. I, стр. 156).

ОТЪ ВСЕНОЩНОЙ, ВЕЧОРЪ, ИДЯ ДОМОЙ...

Первые шесть стиховъ напечатаны въ „Запискахъ И. И. Пущина о дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ“ („Атеней“, 1859, т. II, стр. 500—537); остальные являются здѣсь въ первый разъ.

Я ЖИЗНЬ ЛЮБИЛЪ, КОГДА ПОЛНА...

„Наше Время“, 1860, No. 3, стр. 41.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ А. С. ПУШКИНА.

Подъ этимъ заглавіемъ напечатана въ 26 No. „Развлеченія“ на 1860 годъ піеса Пушкина, начинающаяся стихомъ: „Тебѣ въ прощальныя минуты“, сообщенное въ редакцію журнала г. Грековымъ, снабдившимъ его слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Это стихотвореніе получено мною отъ нашего извѣстнаго поэта Е. А. Баратынскаго“.

КЪ ***.

„Русское Слово“, 1861, No. 2, отд. I, стр. 1.

ВОСПИТАННИЦА МУЗЪ, ПРЕЛЕСТНА КАТЕРИНА...

Мы сильно сомнѣвается въ томъ, чтобы стихотвореніе, начинающееся вышеприведеннымъ стихомъ и напечатанное въ III кн. „Свѣточа" на 1861 г. (отд. I, стр. 2), дѣйствительно принадлежало *Александру* Пушкину. Вотъ на чемъ основываются наши сомнѣнія: вопервыхъ — 10 марта 1813 года (помѣтка подъ стихотвореніемъ) А. С. Пушкину было всего 14 лѣтъ съ нѣсколькими днями, и слѣдовательно онъ былъ слишкомъ молодъ для подобнаго рода изліяній; во вторыхъ — въ 1813 же году было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы" стихотвореніе: „На смерть Кутузова", съ подписью: *А. Пушкинъ*, принятое Бѣлинскимъ за первый печатный опытъ Александра Сергѣича (см. „Отечественныя Записки", 1843, т. 31, отд. V, стр. 30), тогда-какъ въ послѣдствіи оказалось, что оно было написано какимъ то *Алексѣемъ Пушкинымъ*. Къ тому же въ манерѣ и слогѣ помянутыхъ стихотвореній есть нѣчто родственное, въ доказательство чего печатаемъ ихъ рядомъ:

Воспитанница музъ, прелестна Катерина!
Соединяя всѣ таланты съ красотой,

Доказываешь ты, что славная Корина
Средь насъ живетъ, не бывъ единою мечтой.
Тебѣ принадлежатъ ея вѣнки лавровы,
Тобой красуется блаженный здѣшній край,
И хлады сѣвера сколь ни были бъ суровы —
Твой гласъ, твой нѣжный гласъ ихъ превращаетъ
въ рай.

НА СМЕРТЬ КУТУЗОВА.

Отечество въ слезахъ — познало вѣсть ужасну:
Кутузовъ кончилъ вѣкъ средь славы и побѣдъ.
Надежду нашъ злодѣй питаетъ пусть напрасну,
Что будто бы ему преграды болѣ нѣтъ;
Кутузова парить духъ будетъ надъ рядами!
Народъ, средь коего сей мужъ родиться могъ,
Не преклонитъ главы предъ хищными врагами,
Возникнетъ новый вождь, и будетъ съ нами Богъ!

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ, НАПЕЧАТАННЫЯ ВЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

ВОЛЬНОСТЬ.

Стихотвореніе это въ публикѣ извѣстно болѣе подъ заглавіемъ: „Ода на свободу“. Напечатано въ первый разъ во II кн. „Полярной Звѣзды“ на 1856 годъ (стр. 3—5); перепечатано въ „Русской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 1—5).

Строфа I, стихи 5 и 7:

Приди, сорви съ *меня* вѣнецъ...
Хочу *воспѣть* я вольность міру...

Варіанты:

Сорви съ *главы моей* вѣнецъ...
Хочу я вольность *грянуть* міру...

Строфа V, стихъ 8:

Но *вѣчный* выше васъ законъ...

Варіантъ:

Но выше васъ *стоитъ* законъ...

Строфа VI, ст. 2: Гдѣ *дремлетъ онъ*...
Варіантъ: Гдѣ *онъ блюдетъ*...

Строфа VII, стихъ 6:

Падетъ преступная секира...

Варіантъ:

Едва главу снесла секира...

Строфа XI, ст. 7: *безславные.*
Варіантъ: *преступные.*

КИНЖАЛЪ.

„Полярная Звѣзда", 1856, кн. II, стр. 8 и 9; перепечатано въ „Русской Библіотекѣ" (1858, т. I, стр. 11 и 12). Стихотвореніе это, какъ разсказываютъ, написано ровно черезъ годъ по высылкѣ Пушкина изъ Петербурга (въ 1820 году), гдѣ онъ далъ слово Карамзину не писать возмутительныхъ стиховъ покрайней мѣрѣ годъ. По просьбѣ С. Полтарацкаго, Пушкинъ внесъ назван-

ное стихотворéніе въ его альбомъ и подписалъ подъ нимъ: Par Pouschkin.

ВЪ СИБИРЬ.

„Полярная Звѣзда“, 1856, кн. II, стр. 13; перепечатано въ „Русской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 10). Стихи написаны Пушкинымъ въ 1827 году и переданы имъ А. Г. Муравьевой (супругѣ Никиты Муравьева), ѣхавшей тогда въ Сибирь къ мужу, для доставленія въ Петровскій заводъ (что возлѣ Читы, Иркутской губ. Верхнеудинскаго уѣзда) сосланнымъ на каторгу пóслѣ 14 декабря.

Кстати помѣщаемъ здѣсь превосходный отвѣтъ на это стихотвореніе, написанный декабристомъ, княземъ Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, человѣкомъ съ несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ, дальнѣйшему развитію котораго помѣшала ссылка.

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.

Но будь спокоенъ, бардъ: цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,

И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся надъ царями.

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ:
Изъ искры возгорится пламя —
И православный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.

Мечи скуемъ мы изъ цѣпей
И вновь зажжемъ огонь свободы,
И съ нею грянемъ на царей —
И радостно вздохнутъ народы.

СѢЯТЕЛЬ.

„Полярная Звѣзда", 1856, кн. II. стр. 16; перепечатано въ „Русской Библіотекѣ" (1858, т. I, стр. 33).

Ст. 10: „На что стадамъ дары свободы?"
Варіантъ: „Стадамъ не нуженъ даръ свободы."

НАСИЛЬНО ЗУБОВУ МИЛА...

„Колоколъ", 1858, No. 23 и 24, стр. 200.

СКАЗКИ.

Стихотвореніе это, извѣстное также подъ названіемъ „Noël“, напечатано въ первый разъ въ „Русской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 27 и 28), но съ ошибками. Затѣмъ оно появилось въ V кн. „Полярной Звѣзды“ на 1859 годъ (стр. 20), также съ ошибкой въ 5-мъ стихѣ, изъ котораго сдѣлано два.

Строфа II, стихъ 7:

Я *ѣлъ, и пилъ,* и обѣщалъ...

Варіантъ:

Я *много спалъ* и обѣщалъ...

Строфа III, стихи 3 и 4:

Лаврову *дамъ* отставку,
А Соца въ жолтый домъ...

Варіантъ:

Лавровъ *пойдетъ въ* отставку,
Тимковскій въ жолтый домъ...

КЪ Х.......

НАПРАСНО АХНУЛА ЕВРОПА...

ПЕСТЕЛЮ.

Павелъ Ивановичъ Пестель, глава Южнаго Общества, казненный 13-го іюля 1826 года, пользовался глубокимъ уваженіемъ Пушкина, какъ это даже видно изъ его записокъ. (См. „Приложенія къ соч. А. С. Пушкина", отд. II, стр. 90.)

НАДПИСЬ КЪ КАРТИНКѢ ИЗЪ „ОНѢГИНА" ВЪ „НЕВСКОМЪ АЛЬМАНАХѢ".

ВСТАРЬ ГОЛИЦЫНЪ МУДРОСТЬ ВѢСИЛЪ...

ЭПИГРАММА (Булгаринъ вотъ Полякъ...)

Всѣ эти шесть стихотвореній напечатаны въ первый разъ въ „Полярной Звѣздѣ" на 1859 (кн. V, стр. 23, 26, 27, 28, 29 и 30).

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ, НАПЕЧАТАННЫЯ ЗДѢСЬ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ.

МОЛИТВА ЛЕЙБЪ-ГУСАРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ.

Пушкинъ и его товарищи, въ послѣдніе два года своего пребыванія въ Лицеѣ, сошлись весьма близко съ обществомъ офицеровъ лейбъ-гусарскаго полка, квартировавшаго, какъ и нынѣ, въ Царскомъ Селѣ, и посѣщали многихъ изъ нихъ весьма часто. Помянутая молитва, написанная на дежурствѣ Завадовскаго, была поднята Пашковымъ. Оскорбленный въ лицѣ своего *носа*, Пашковъ вскипѣлъ благороднымъ негодованіемъ и грозилъ побить Пушкина. Завадовскій, чтобы избавить Пушкина отъ непріятности, принялъ эти стихи на себя — и дѣло грозило окончиться дуэлью. Это дошло до свѣ-

дѣнія командира гвардейскаго корпуса князя Васильчикова, который созвалъ офицеровъ для объясненія, съ цѣлью — помирить ихъ. Все дѣло кончилось тѣмъ, что на сходкѣ благоразумная партія объявила это дѣломъ дружескимъ, *пустяшнымъ*, а противная, боясь высказаться, промолчала и тѣмъ согласилась съ первой. (Сообщено Сабуровымъ.)

СКАЗАЛИ РАЗЪ ЦАРЮ...

Написано по слѣдующему случаю: Однажды за обѣдомъ во дворцѣ, когда зашла рѣчь о смерти Ріэго, графъ М. С. Воронцовъ (впослѣдствіи князь и намѣстникъ кавказскій) сказалъ: „Тѣмъ лучше: однимъ мерзавцемъ меньше!"

ЕВРЕЙКѢ.

Написано къ одной кишеневской Еврейкѣ, бывшей въ 1821 году предметомъ нѣжной привязанности нашего поэта. Къ ней же обращены нѣкоторые стихи въ „Гавриліадѣ". Въ иныхъ спискахъ стихи 5 и 6 читаются такъ:

За поцалуй твой, не робѣя,
Готовъ, Еврейка, приступить
И *вмѣстѣ* тò тебѣ вручить...

ИЗЪ „ГАВРИЛІАДЫ“.

Читавшіе эту поэму въ рукописи, поймутъ, отчего мы напечатали изъ нея только нѣсколько отрывковъ.

СМОТРЮ ПЕЧАЛЬНО, МОЛЧАЛИВО... ВЕСЬ ДЕНЬ, ОТЪЯВЛЕННЫЙ ЛѢНИВЕЦЪ... ВТОРАЯ НАДПИСЬ КЪ КАРТИНКѢ ИЗЪ „ОНѢГИНА“ ВЪ „НЕВСКОМЪ АЛЬМАНАХѢ“.

Первая изъ этихъ надписей была помѣщена въ V кн. „Полярной Звѣзды“, о чемъ сказано въ своемъ мѣстѣ; вторая же является здѣсь въ первый разъ. Оба стихотворенія написаны Пушкинымъ тотчасъ по полученіи имъ экземпляра „Невскаго Альманаха“ на 1829 годъ, издаваемаго Е. Аладьинымъ, къ которому, между прочимъ, было приложено шесть весьма плохихъ гравюръ къ напечатаннымъ тамъ же шести отрывкамъ изъ „Евгенія Онѣгина“. Первый и третій рисунки (авторъ „Евгенія Онѣгина“ бесѣдующій съ Онѣгинымъ на набережной Невы и Татьяна, запечатывающая письмо къ Онѣгину) особенно поразили поэта — и онъ

тотчасъ написалъ къ нимъ помянутыя надписи и отослалъ ихъ къ Аладьину.

КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.
НА ВОЦАРЕНІЕ АЛЕКСАНДРА 1-го.
КЪ ПАМЯТНИКУ АЛЕКСАНДРА 1-го.
НИКОЛАЮ 1-му.
ЕМУ ЖЕ.

Печатаемъ здѣсь и варіантъ этого стихотворенія:

Не много царствовалъ, но много начудесилъ:
Сто двадцать пять сослалъ, да пятерыхъ повѣсилъ.

ЖЕЛАЛИ ПРАВЪ ОНИ...
ВЪ РОССІИ НѢТЪ ЗАКОНА...

Въ нѣкоторыхъ рукописныхъ сборникахъ „Стихотвореній Пушкина“ мы встрѣчали слѣдующій варіантъ этой надписи:

Въ Россіи нѣтъ закона:
Въ Россіи столбъ стоитъ,
Къ столбу законъ прибитъ,
А на столбѣ корона.

Намекъ на девизъ Сената: столбъ съ надписью: „законъ“, увѣнчанный императорской короной.

НАДПИСЬ КЪ ИСАКІЕВСКОЙ ЦЕРКВИ.

Старая Исакіевская церковь, какъ извѣстно, была начата Екатериною II изъ мрамора и окончена Павломъ I изъ кирпича. Нынѣшняя же — выстроена Николаемъ. Предлагаемая надпись относится къ послѣдней перестройкѣ церкви, когда она, по повелѣнію Николая I., была разрушена до основанія и заложена снова.

КЪ ПОРТРЕТУ АРАКЧЕЕВА.

КНЯЗЮ А. Н. ГОЛИЦЫНУ.

ЕМУ ЖЕ.

ЕМУ ЖЕ.

Этотъ Голицынъ (Александръ Николаевичъ) былъ при Александрѣ I. министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

ГРАФУ В—ВУ.

КНЯЗЮ ДУНДУКОВУ.

Князь М. А. Дундуковъ-Корсаковъ былъ въ тридцатыхъ годахъ попечителемъ санктпетербургскаго учебнаго округа, а потомъ — вице-президентомъ Академіи Наукъ.

АВТОРУ „ИСТ. ГОС. РОССІЙСКАГО".

СОШЛИСЯ ШКОЛЬНИКИ...

ЖУКОВСКОМУ.

Стихотвореніе это по формѣ — есть подражаніе извѣстному стихотворенію Жуковскаго: „Бѣдный пѣвецъ", а по содержанію — злая эпиграмма на назначеніе его, бѣднаго пѣвца, наставникомъ наслѣдника престола.

„СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА"...

ЗА УЖИНОМЪ ОБЪѢЛСЯ Я...

Написана на В. К. Кюхельбекера, съ которымъ Пушкинъ воспитывался вмѣстѣ въ царскосельскомъ лицеѣ и былъ очень друженъ. Не смо-

тря, однако, на свои дружескія отношенія къ старому товарищу, Пушкинъ любилъ подшучивать надъ нимъ, иногда очень ѣдко. Однажды Жуковскій былъ званъ куда-то на вечеръ и не явился. Когда его спросили на другой день, отчего онъ небылъ, тотъ отвѣчалъ: „Мнѣ что-то не здоровилось уже наканунѣ; къ тому же пришелъ Кюхельбекеръ — и я остался дома“. Услыхавъ это, Пушкинъ написалъ свою эпиграмму. Кюхельбекеръ взбѣсился — и шутка чуть не кончилась дуэлью.

КНЯЗЬ ШАЛИКОВЪ...

Кн. Петръ Ивановичъ Шаликовъ,

„Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой“,

какъ назвалъ его Пушкинъ въ своемъ посланіи къ поэту (см. „Соч. Пушкина“, изд. 1859, т. I, стр. 143), былъ самымъ сантиментальнымъ пѣвцомъ любви и женскихъ прелестей и даже издавалъ: „Дамскій журналъ“, посвященный исключительно прославленію прекраснаго пола.

ХОТЬ УЧАСТЬЕ НЕ ПОМОЖЕТЪ...

Кто не слыхалъ о графѣ Димитріѣ Ивановичѣ Хвостовѣ, этомъ второмъ Тредьяковскомъ, о его

страсти къ стихотворству и жаждѣ извѣстности? Экспромптъ этотъ сказанъ Пушкинымъ на одномъ литературномъ вечерѣ, когда Хвостовъ, послѣ чтенія своихъ стиховъ, вышелъ помочиться.

А. Н. МУРАВЬЕВУ.

П — МУ.

НѢТЪ ПОДЛѢЕ ДО АЛТАЯ...

ЭПИГРАММЫ НА БУЛГАРИНА.

„Лелѣешь ты свои красы...“, „Всѣ говорятъ: онъ Вальтеръ Скотъ...“ и „Ѳаддей роди „Ивана“...

ТИМКОВСКІЙ ЦАРСТВОВАЛЪ...

СМИРДИНЪ МЕНЯ ВЪ БѢДУ ПОВЕРГЪ...

Л. С. ПУШКИНУ (Все измѣнилося...).

НАКАЖИ СВЯТОЙ УГОДНИКЪ...

Помянутая эпиграмма написана Пушкинымъ на офиціальной бумагѣ, заключавшей въ себѣ мнѣніе санктпетербургскаго митрополита по дѣлу капитана Бороздны, судимаго за мужеложство.

НЕ ВѢРЮ ЧЕСТИ ИГРОКА...

ГРАФИНѢ А. А. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ.

РАЗГОВОРЪ ФОТІЯ СЪ ГР. ОРЛОВОЙ.

КНЯЖНѢ С. А. УРУСОВОЙ.

НИМФОДОРѢ СЕМЕНОВОЙ.

КЪ ***.

ТЫ ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ...

Буало былъ кастратъ.

ЧЕРНА, КАКЪ ГАЛКА...

ОНА ТОГДА КО МНѢ ПРИДЕТЪ...

ОГЛАВЛЕНІЕ*).

Отдѣлъ первый.

ЦѢЛЬНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ, НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ СОБРАНІЕ „СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА". стр.

*) Стихотворенія, при которыхъ стоитъ звѣздочка — появляются здѣсь въ первый разъ.

Отдѣлъ второй.

НЕНАПЕЧАТАННЫЕ ОТРЫВКИ ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ, ВОШЕДШИХЪ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ИЗДАНІЕ „СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА“.

Отдѣлъ третій.

НАДПИСИ И ЭПИГРАММЫ, НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ИЗДАНІЕ „СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА“.

Отдѣлъ четвертый.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ О СОЧИНЕНІЯХЪ ПУШКИНА.

У **Р. Вагнера** и во всѣхъ лучшихъ книготорговляхъ Германіи продаются:

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ГРИБОѢДОВА.

(ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ)

ОТДѢЛЕНІЕ I. Статьи въ прозѣ: Письмо изъ Брестъ-Литовска. — О кавалерійскихъ резервахъ. — О разборѣ перевода баллады: Ленора. — Письмо къ издателю „Сына Отечества". — Письма и отрывки изъ писемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II. Стихотворенія: Отъ Аполлона. — Романсъ. — Телешевой. — Хищники на Чегемъ. — Душа. — Востокъ. — Отрывокъ изъ поэмы: Кальянчи. — Эпиграмма.

ОТДѢЛЕНІЕ III. Театръ: Молодые супруги. — Отрывокъ и комедіи. — Притворная невѣрность. — Отрывокъ изъ Гёте. — Горе отъ ума (вполнѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ. — ПРИМѢЧАНІЯ.

Книга составлена однимъ изъ извѣстныхъ русскихъ библіографовъ и заключаетъ въ себѣ все, что осталось отъ Грибоѣдова.

Цѣна 1 т. 15 гр.

